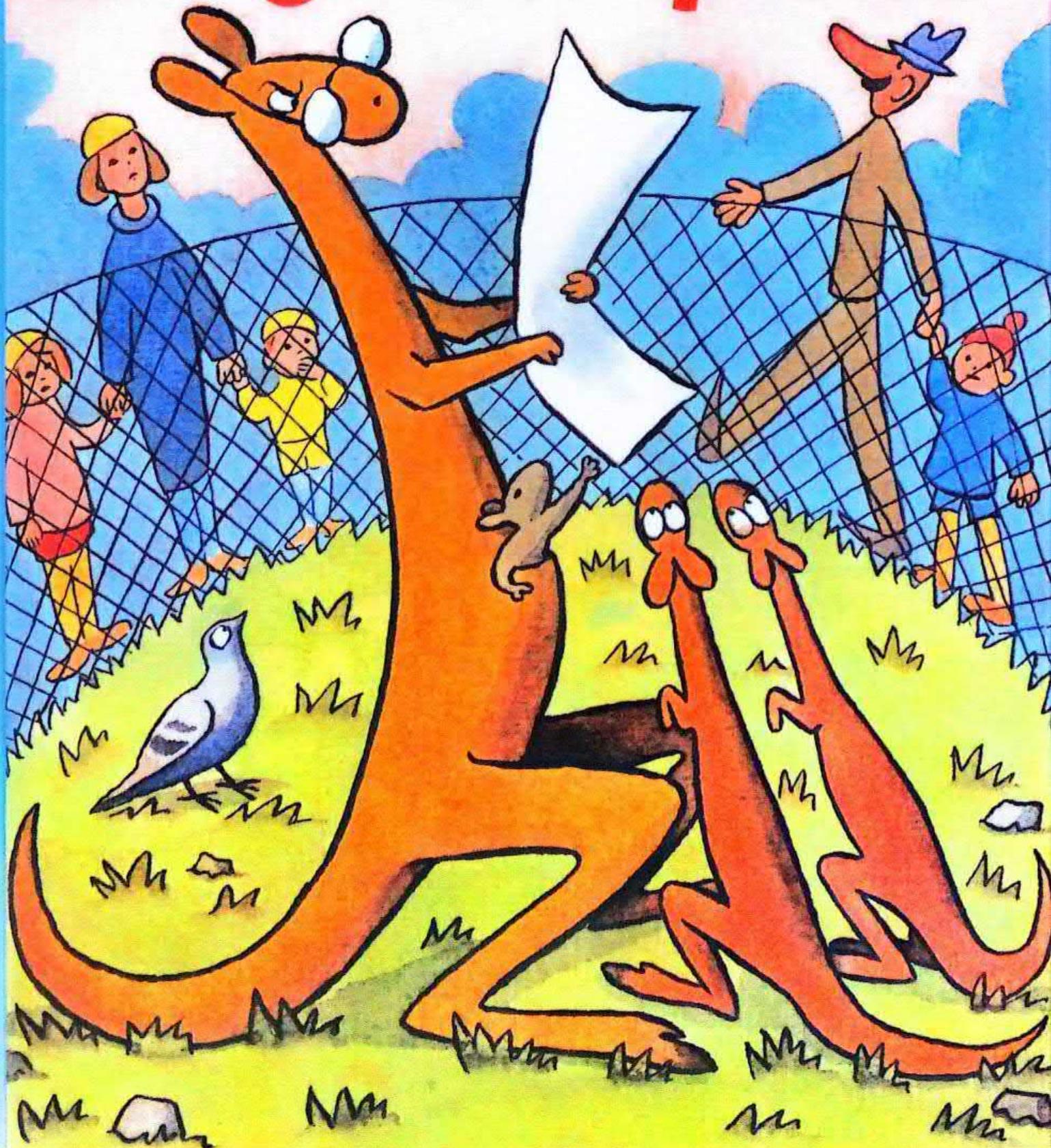
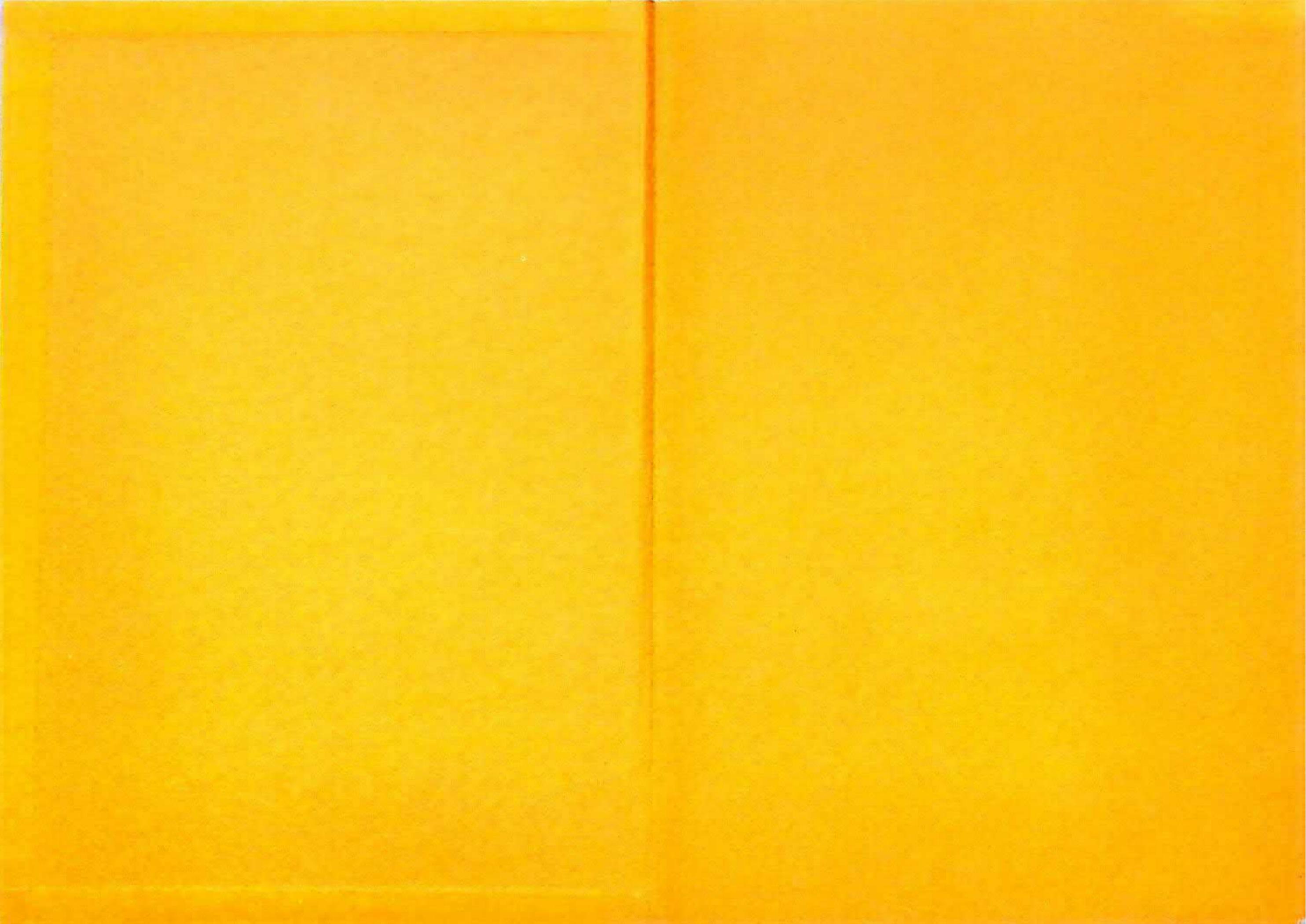

О. СЕКОРА

Почта в зоопарке

ОНДРЖЕЙ СЕКОРА

Почта в зоопарке

Рисунки автора

Перевод с чешского О. Акбулатовой

Москва
Издательский Дом
Мещерякова
2018

Ondřej Sekora
Pošta v zoo

МЫ КОЕ-ЧТО УЗНАЁМ

БРОЖУ СРЕДИ ПОСЕТИТЕЛЕЙ И КЛЕТОК

Никогда бы не подумал, что такое со мной может произойти в зоопарке. Даже предположить не мог, что буду помогать в такой важной работе. Обычно я просто гулял по зоопарку. Не спеша переходил от клетки к клетке, от ограды к ограде, смотрел на зверей — как они там? Слушал разговоры детей о животных и мысленно ставил им оценки по природоведению. Иногда пятёрку, иногда тройку, а иногда не мог удержаться от смеха. Представьте себе, некоторые дети показывали «нос» тукану, считая, что эти удивительные птицы лишь для смеха натянули на себя большие длинные клювы. Или предлагали учителю взять в класс ленивца: мол, тогда у Франты Држимала появится серьёзный конкурент и на уроке в классе будут спать двое.

Дети видели в зоопарке всё, что можно, но про почту, которая нужна зверям, ничего не знали.

Секора, О.
С28 Почта в зоопарке / Ондřej Секора ; пер. с чеш. О. Акбулатовой ; рис. авт. — Москва : Издательский Дом Мещерякова, 2018. — 160 с. : ил.

ISBN 978-5-00108-229-3

Книга Ондřejя Секоры «Почта в зоопарке» знакомит читателей с одним храбрым и отзывчивым голубем, который, вместе с героем книги, налаживает настоящую голубиную почту в зоопарке Праги. Животным зоопарка очень нравится эта идея, и они начинают писать письма во все уголки земного шара. Из этих писем можно узнать, чему удивляются верблюды, какой сон увидела овечка, на что жалуется бегемот и ещё очень много любопытного.

Забавные и добрые иллюстрации автора.

УДК 821.162.3
ББК 84(4Чеш)

© Ondřej Sekora — Dagmar Sekorova, text
and illustrations, 2018

© О. Акбулатова, перевод, 2018

© ЗАО «Издательский Дом Мещерякова», 2018

ISBN 978-5-00108-229-3
Мы любим бумажные книги

Какую-то незатейливую почту дети могли себе представить. Например, мальчики и девочки могли бы пользоваться совсем простой почтой: повесить на дерево коробку, как почтовый ящик, а в неё положить записку:

«ФРАНТИКУ ПЕХЛАТУ.
МЫ ПОШЛИ К ВЕРБЛЮДАМ».

Франтик найдёт послание и стремглав бросится искать ребят. Сначала он станет искать их возле верблюдов. Там ребят, конечно, не окажется, потому что эти озорники его облапошили. Ребята даже не собирались идти к верблюдам, а направились напрямиком к змеям и спрятались у клетки с удавом. Удав, даже не моргнув, продолжает лежать, он сыт и вполне доволен. Неделю тому назад он проглотил живого кролика и теперь отдыхает. Удав, хотя и не шевелится, но интерес проявляет. Он смотрит на детей и думает: «Внимание, сейчас случится что-то забавное». И правда: через минуту появляется запыхавшийся Франтик. Ребята с криком «бах!» выскакивают из укрытия и весело смеются.

Честное слово, я бы тоже представлял себе почту в зоопарке именно так. Однако всё выглядело

несколько иначе. Ребята в спешке кучкой перебежали от ограды к ограде, от клетки к клетке, кричали и постоянно спрашивали: «Господин учитель, когда мы пойдём к обезьянам?» Потому что дети обычно больше всего хотят видеть обезьян, а на какую-то там почту в зоопарке у них нет времени, и даже нет возможности о ней подумать.

И всё-таки почта в зоопарке есть, но о ней я тоже узнал позднее. Вы не поверите, какой обширной оказалась переписка. Звери пишут. И много. А вы можете себе представить, что они забыли о своей семье и не хотят написать своему брату, папе, дяде? Наверняка вы так не думаете.

Я знаю, что когда, например, Пепик едет в летний лагерь, он ни за что не напишет папе или маме письмо, даже если его будут просить об этом на коленях.

В лагере они ходят ловить рыбу, собирать грибы или разучивают какую-нибудь новую игру или стихотворение. Скажите, откуда у Пепика возьмётся время написать родителям хотя бы открытку, не говоря уже о письме?

Даже несмотря на то, что он знает, как дома обрадовались бы его весточке.

А вот звери в зоопарке намного внимательнее. Вы удивились бы, узнав, что кенгуру вспоминают о своих родственниках в Австралии и часто им пишут. Писали бы и чаще, если бы могли. Но это невозможно, поскольку каждый день их письма не могут лететь в Австралию. Поэтому они их до поры до времени прячут и каждый день с надеждой высматривают, стоя у своей ограды, не идёт ли почта. И всё ждут и ждут до той поры, пока не придёт слугитель с завтраком, чтобы наполнить им ясли. Потом начинают есть.

Ведь почту им не принесли. Ну, что же делать! После еды они нежатся на солнышке, показываясь посетителям (так в зоопарке и должно быть), а на следующий день ждут опять.

МЫ ВСТРЕЧАЕМСЯ С ПОЧТАЛЬОНОМ

В тот день, когда это случилось, я прохаживался ранним утром по зоопарку. Почти никого из посетителей ещё не было, поскольку немного моросило. Зверьё в павильонах скучало, кое-кто забрался в норы. Я отправился пообщаться со своим старым знакомым — вороном Пепиком. Это такой забавный малый! Он на каждого покрикивает и ждёт, когда кто-то из посетителей сунет палец ему в клетку. Потом — раз! — и клюнет

в палец, а сам тихонько захихикает, если посетитель испугается, начнёт дуть на палец и ругаться, почему на клетке не написано «Осторожно, кусается!»

Я с вороном общаюсь совершенно иначе. Смотрю на него, а он — на меня. Я смотрю правым глазом, и он правым. Затем я смотрю левым глазом, он тоже левым. Но потом я вдруг закрываю оба глаза, а он при этом ужасно злится: летает по клетке и бьёт крыльями о прутья. Ему страшно не нравится, когда я над ним подтруниваю.

— Ну, ладно, не злись, — успокаиваю я его. — Мы ведь друзья, правда? Я просто пошутил.

Но тогда я просто оторопел: с дерева у клетки за мной пристально наблюдал почтовый голубь. Смотрел строго, как будто хотел сказать что-то очень важное. Может, хотел предупредить, что ворона не стоит дразнить? Что в зоопарке вообще этого делать нельзя? А может быть — и это уж совсем плохо, — что будет на меня жаловаться? Тогда сразу кто-нибудь придёт и выведет меня из зоопарка: «Вы не

смеете беспокоить наших животных. Раз не умеете себя вести даже со зверями, уходите отсюда».

Но голубь только наклонил голову и тихонько сказал:

— Послушайте, не согласитесь ли вы мне помочь, я вас здесь часто вижу. Гм... отойдём в сторонку и поговорим!

Поверьте, меня словно молнией ударило. Голубь? Говорит? Со мной? Я не смог произнести ни слова. Голова у меня шла кругом, когда я следовал за ним. Ничего подобного со мной ещё не происходило.

Он отвёл меня на некоторое расстояние, чтобы вороны не слышали, и доверительно сообщил, что сейчас ему предстоит много работы, поэтому он просит его помочь. Он летает с письмами туда, куда Макар телят не гонял, причём по несколько раз; он действительно испытывает трудности с письмами животных — их становится всё больше и больше. А раз уж я постоянно прихожу в зоопарк, то наверняка понимаю бедных питомцев. Каждый из них хотел бы кому-то написать, у каждого за пределами зоопарка есть родственники или знакомые. А голубь видел, как я иногда что-то записываю в блокнот или что-то в нём рисую.

— Не хотите ли вы мне помочь? — спросил он. — Я уже не справляюсь один.

Я тут же загорелся:

— Помогу, разумеется, голубчик, помогу. Что надо делать? Я должен к кому-нибудь пойти? Что-то принести? Или что-нибудь передать? — Я был готов тут же бежать и выполнить любое поручение голубя, только бы ему помочь.

О-о-ох! Любое начало ВСЕГДА БЫВАЕТ ТРУДНЫМ

Знаете, сделать что-нибудь на радость всем зверям, для всего зоопарка — для меня это настоящее счастье. Разумеется, я и сам смог бы многое узнать, а уж если впоследствии буду иметь возможность рассказать обо всём читателям, они тоже обрадуются вместе со мной.

— Я рад, что ты мне поможешь, — засмеялся голубь. — Только не знаю, как у тебя получится. Ладно, как раз сейчас я нужен ослам, они хотят отправить письмо. Пойдёшь к ним?

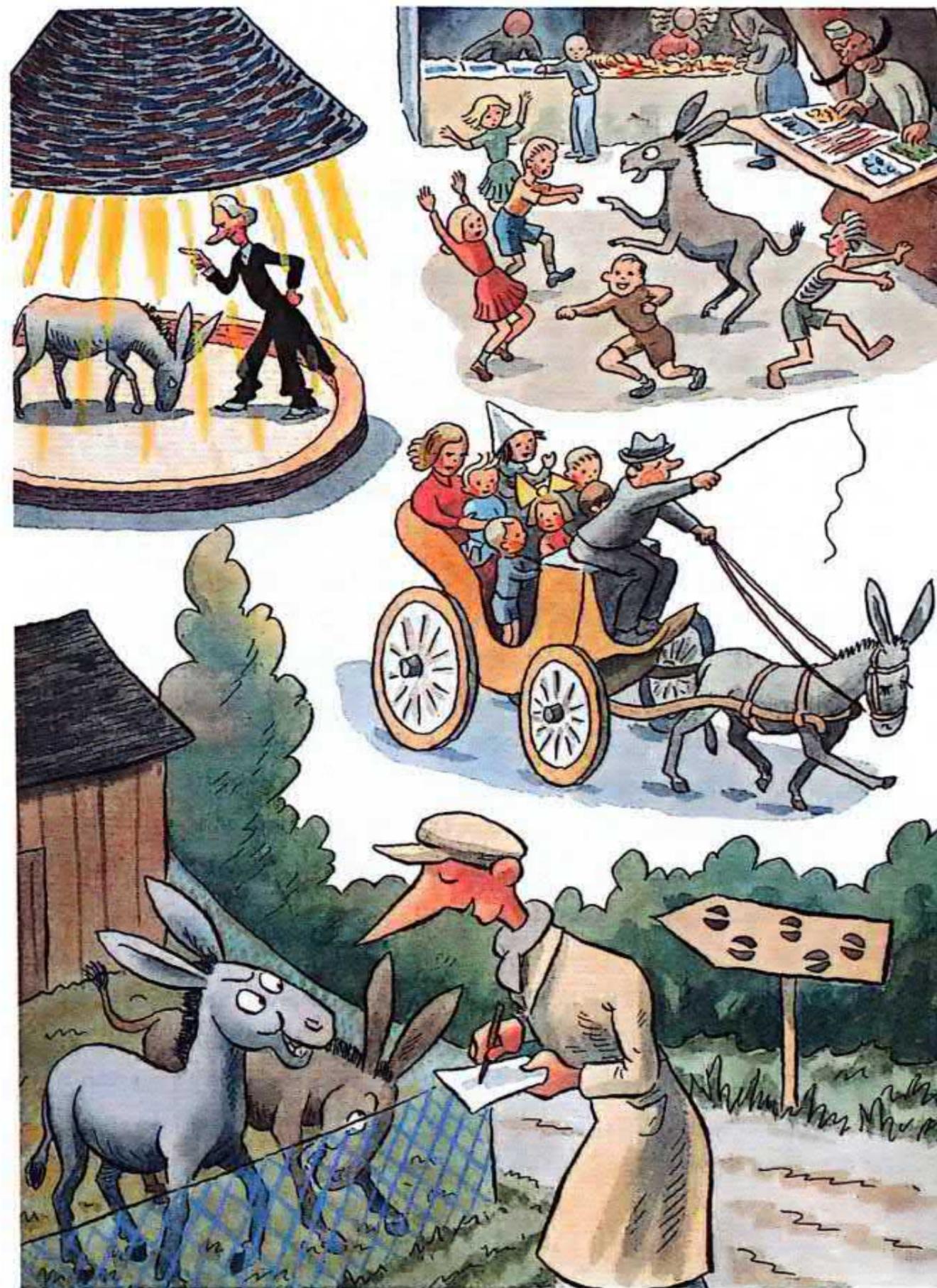
Гм... я несколько оторопел. Я, конечно, не против, но для начала хотелось бы чего-нибудь получше, посерьёзнее, чем ослы. Ну, помогу, помогу, разумеется; это подходящая работа. И я побежал.

Ослы, представьте себе, меня уже ждали. Их было двое, но письмо они пока не написали, потому что должно быть хотя бы пять ослов, чтобы написать обстоятельное письмо, а они ещё не успели

договориться. Так что в настоящее время необходимо бежать к их друзьям, о которых они мне расскажут. Один бежит по парку Стромовка — катает там детишек в повозке. Другой на Панкраце* в цирке. Он очень хорошо считает. А ещё один, самый молодой, — на празднике в Розтоках. В общем, с ними их будет пятеро, как раз для письма. Вот пусть голубь всех облетит. Для него такая работа совсем не трудна. И всем станет гораздо легче: чем больше ослов объединят свои умственные усилия... ой-ой-ой! Вот это будет письмо!

Голубь меня похвалил и сразу полетел разыскивать других ослов. Я же склонился над картой и раздумывал над тем, куда голубю потребуется лететь с ослиным посланием. Боже мой! У меня просто глаза на лоб полезли. Да по всему миру! Ведь ослы живут повсюду. И их достаточно много. Существуют ещё неприрученные, дикие ослы в Африке, в Азии. Но там, правда, очень много разных подвидов. Одни дикие ослы бегают по Аравии, другие по Малой Азии, а ещё кто-то — по Тибету. Только все они настолько пугливы, что тут же убежали бы от любого письма. С прирученными осликами дело обстоит всё же лучше. А их мы найдём во всех частях света. Бедному голубю придётся потрудиться.

* Район Праги. — Прим. пер.

Тем временем пернатый почтальон прилетел с первым сообщением. Ослы за пределами зоопарка горячо откликнулись на предложение. Прекрасная идея — посылать письма! Её тут же подхватили; проблема только в том, кто напишет эти письма. Между нами говоря, тот, что из цирка, вряд ли годится для этого. Он умеет хорошо считать (за это ему хлопают), но в письме не больно-то силен. Тот, который в парке, такой же. Он только ревет на всю округу «ы-а» вместо «и-а» и думает, что так и надо. Ну а о том, что в Розтоках, и говорить нечего. Кажется, он просто шут гороховый: стоит ему открыть пасть и что-то прокричать, как все понимают, какая это глупость. Так что лучше всего договориться с осликами из зоопарка.

Ну, вот мы и оказались там, откуда начали! Мы снова отправились к ослиному загону. Однако оба ослика встретили нас без особого воодушевления. Именно в этот момент им привезли свежее сено.

— Слушайте, не могли бы вы дать нам спокойно поесть?

— Пожалуйста, пожалуйста... — заикаясь, согласились мы. А ослы опять за своё. Сперва им надо было отдохнуть после еды. Затем они захотели пробежаться, чтобы нагулять аппетит, а потом отправились на водопой. Тут наступил вечер, и ос-

лики отправились спать. Поэтому мы вынуждены были прийти на следующий день, и милые ослики безмятежно сообщили нам, что не умеют писать. Пусть напишем мы, а они нам продиктуют. Хорошо! И они диктовали (если бы мир слышал, он рухнул бы!), но в этом не было никакого смысла, они говорили, перебивая друг друга, при этом так смеялись, что чуть не лопнули. Да, сегодня, именно сегодня у них что-то не очень получается. Может быть, нам стоит прийти как-нибудь в другой раз? Наверняка у них получится лучше.

Ну что ж, сказали мы себе. Вряд ли мы ещё сюда когда-нибудь придём. Надо быть совсем глупым, чтобы снова прийти к осликам. Когда они научатся писать сами, голубь с удовольствием переправит их письмо. Пусть господа ослы стараются. У нас сейчас другие заботы и полно всяких дел. Кажется, тигр написал письмо, и довольно длинное. Мне надо к нему пойти, но осторожно, а уж голубь письмо отнесёт.

Ну, подумал я, теперь книжки, видно, писать не придётся. Приду к тигру, а он меня прямо на месте и сожрёт.

Но не сожрал. Скорее всего, понял, зачем я пришёл. Вытащил из угла клетки письмо и быстро сунул мне его в руку. После этого удалился и сделал вид, что ничего не произошло. Тут в коридор вошёл служитель — а он этих писем

не одобрял, ему не нравилось, что звери едят. У них, как он считал, после этого в голове бог знает что, и посетители их мало заботят.

Конечно, нам было очень интересно, поэтому мы с голубем прочитали письмо.

МОЯ ПЕРВАЯ ДОБЫЧА

НАШ ТИГР НАПИСАЛ РОДСТВЕННИКАМ

Моя милая семья, я не знаю, кто получит это письмо — вас за пределами зоопарка много. Я в клетке теперь чувствую себя почти как дома. Ведь мои предки родились уже в зоопарке. Но, несмотря на это, я с удовольствием пишу своим родственникам-тиграм, сообщаю, как мы здесь живём, — например, как проводим вечера.

Когда заканчивается последняя уборка, когда закрываются ворота нашего павильона, когда по полу разбегаются мыши и начнут искать крошки, мы начинаем рассказывать истории. Каждый вечер кто-нибудь что-нибудь рассказывает. Когда доходит очередь до меня, все кричат, заранее хотят и просят, чтобы я рассказал про мухоловку.

Ха-ха-ха, мы всегда от души смеёмся над этой историей. Вы её не слышали? От смеха в клетке чёрного леопарда могли лопнуть прутья, а старый лев Рамзес однажды так закашлялся от смеха,

что чуть не помер. При этом всегда стоит такой галдёж и смех, когда я рассказываю старую историю о мухоловке и прадедушке, которая произошла в те времена, когда наш зоопарк только что открылся и был ещё весьма скромным.

Вы видели когда-нибудь тигра, попавшегося в мухоловку? Святые угодники, держите меня! Как представляю себе эту картинку, просто умираю со смеху: попасть в мухоловку — длинную бумажную ленту, намазанную клеем и предназначенную для ловли мух! Тогда, в те времена, когда всё начиналось, кому-то пришло в голову развесить в клетках мухоловки; и начать решили с крупных хищников, потому что мухи нас очень сильно донимали. Сначала повесили мухоловку у моего прадедушки в надежде порадовать его первым. Подвесили мухоловку под потолком и спрятались, чтобы увидеть, как к ней приклеится какая-нибудь муха. Это было большим событием, потому что ни в одном зоопарке до такого не додумались.

И что же они увидели? В то время дедушка возился с костью, выгрызая из неё мясо. «Опять конина, — ворчал он. — Сколько времени уже одна конина! Я с удовольствием съел бы уже что-нибудь другое. Вчера здесь был какой-то дядька, смотрел на меня, а сам лакомился гусиным бёдрышком. Боже мой! Какой аромат! Когда

я посмотрел на него голодными глазами, бедняга так испугался, что, убегая, сбил с ног фотографа. Гм, я фотографов не ем, — продолжал бубнить мой прадедушка-тигр. — Посмотрю-ка я лучше, что мне тут подвесили к потолку», — проворчал он, поскольку это уже некоторое время не давало старику покоя.

Он оставил кость с мясом и полез под потолок, чтобы посмотреть. И что он там увидел? С потолка свисала бумажная полоска, блестящая от клея, и на ней ничего не было. Но зато она противно пахла! Ой, как пахла! Прадедушка ухмыльнулся: «Это не для меня. Я такое есть не стану», — и он повернулся, чтобы уйти.

И в тот момент, когда он поворачивался, мухоловка приклеилась к его бедру. Вот как! Он спрыгнул вниз и потащил за собой оторвавшуюся мухоловку. Прадедушка ужасно испугался. Сначала он заворчал, потом сверкнул глазами и — прыг на стену! Мухоловка за ним. Теперь уж он зарычал во весь голос, да так страшно, что все сторожа выскочили из своих укрытий.

Страх заставил прадедушку рассвирепеть. Он решил, что ему в бедро вцепилось какое-то чудовище и не желает отпускать. Он как сумасшедший кидался на стены своей клетки и рычал так, что у кассирши у входа в зоопарк тряслись руки и она, бедняжка, отрывала по два билета сразу.

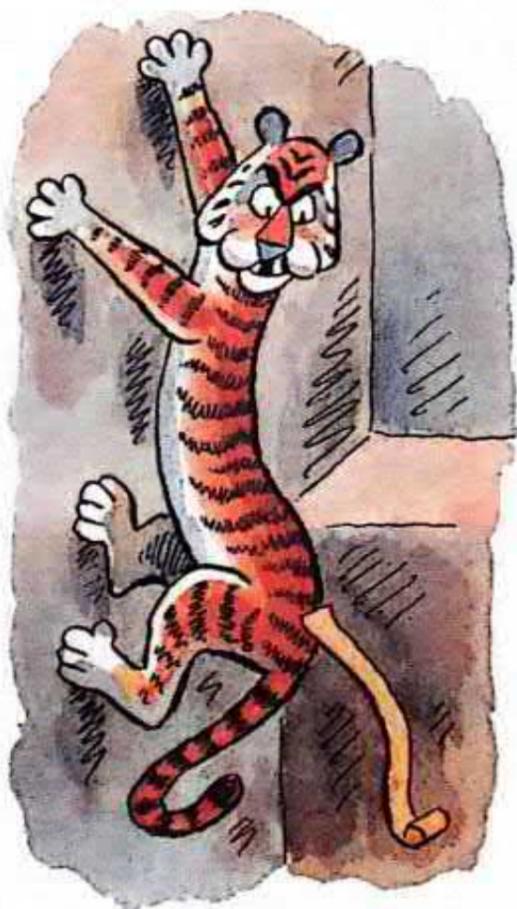
Все зрители из тигриного павильона разбежались, потому что прадедушка с мухоловкой внушал им неописуемый ужас.

И что же было делать? Служители бегали из одного угла в другой. Один хотел дать тигру полотенце, чтобы он оттерся, другой хотел сказать тигру, что ему надо поплюнуть когти, если он хочет избавиться от мухоловки. А третий кричал: «Где телефонный справочник?» — он собирался позвонить в музей и спросить, что делать с тигром, который приклеился к мухоловке.

Однако четвёртый, самый сообразительный, потянул за трос, открыл заднюю дверь клетки

и выпустил прадедушку на большую лужайку. Там тигр уже мог справиться с мухоловкой сам. Места-то много! Десять хищников могло разместиться. Там были скалы, на которых можно лежать, щели, куда можно пролезть, и даже маленький бассейн.

Но дедушка не раздумывал. Он точно молния бросился в открытые двери и выскочил на лужайку, а когда служащие увидели, что он делает, то просто опешили.

Прадедушка не обратил внимания ни на скалы, ни на пещеры, а сразу сел у бассейна, окунул заднюю ногу с мухоловкой в воду и со страхом оглядывался, ожидая, что будет дальше: утонет блестящее чудовище или выскочит и задушит его?

«Боже! Что же делать? — забеспокоились служащие. — Вода такая холодная!» — «Франта, спускай скорее воду, а то тигр простудится!» — закричал кто-то. И Франта побежал выпускать воду из бассейна. Прадедушка онемел от страха. Он чувствовал, что вода убывает, а мухоловка всё ещё держится. Тогда он погрузился в воду глубже, и по мере того, как вода вытекала, заходил всё глубже и глубже, стараясь утопить чудовище.

Ужас! Вода убывала, а чудовище всё не отцеплялось. Таким образом прадедушка постоянно следовал за убывающей водой, опускался всё ниже и ниже с мухоловкой на ноге, пока вся вода не вытекла.

Потом прадедушка так зарычал, что орлы в своих клетках попадали с веток, а тигр вылетел из бассейна и начал прыгать по скалам, хватать себя за задние ноги, кружиться, и вдруг — раз! — прыгнул обратно, оказавшись снова в своей клетке. Там он сел и стал изо всех сил вылизывать свою шубу. Мухоловки не было! Вы не можете себе представить, какое облегчение испытал прадедушка! На нём уже ничего не было, ничего

за ним не летало. Это «что-то» осталось где-то на лужайке, на скале или в песке. А как ему было страшно! Как же крепко оно его держало! Как постоянно преследовало, ни на минуту не отпуская! Как мерзко оно пахло!

Тигр долго-долго потом рассказывал о страшном звере, который наверняка хотел его сожрать. Якобы целую неделю он воевал с этим зверем, и если бы прадедушка поддался этому неизвестному зверю, то он, скорее всего, съел бы всех зверей в зоопарке. Видите ли, у прадедушки была богатая фантазия, он любил иногда и приврать, насочинять такого, что и четырёх мухоловок не хватило бы. Тигры дрожали от ужаса, когда его слушали.

Если бы служитель зоопарка, который приходит почесать меня за ушком, не рассказал, как всё

было на самом деле, я до сих пор не мог бы спать от страха.

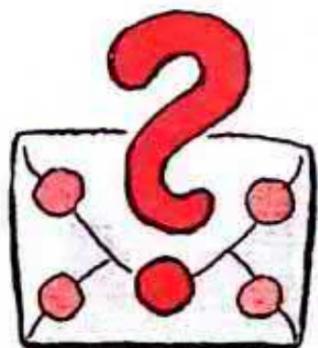
Но спится мне здесь хорошо, каждый вечер мы рассказываем друг другу истории. Мне только жаль, что я не могу послать вам ни одной фотографии. Каждую минуту тут все фотографируют, но никому в голову не приходит подарить нам хотя бы один снимок. А у меня сейчас так лихо торчат усы, получилась бы хорошая фотография! Может, и невеста для меня нашлась бы...

Ну а если нет, то пусть просто напишет нам. Мы будем рады. Только пусть не посылает мухоловку. Для клетки она не годится.

Ну а почта уже идёт. Вернее — летит

— Это не такое уж важное послание, — пробормотал голубь и усмехнулся, — но тиграм я, конечно, его передам. Знаешь что? Можешь пока поискать что-то более интересное. Более серьёзное письмо, а не какую-то ерунду. Я тут же снова вылечу, — и голубь быстро-быстро замахал крыльями и улетел с письмом из зоопарка к тиграм.

БОЖЕ МОЙ, ВСЁ НЕ ПРОСТО ТАК!

Ищу, ищу, ищу

«Ой, сколько будет писем! — радовался я. — Как только слух о почте разнесётся по зоопарку, ко мне сразу побегут с письмами».

И чёрт меня дёрнул в первую очередь пойти к обезьянам! Я рассчитывал с кем-нибудь о чём-нибудь договориться, но — о ужас! — обезьяны такое вытворяли, что мне не стоило бы об этом даже заикаться. Одна обезьяна показала мне язык, другая повернулась ко мне с неприличным жестом, а третья вообще не замечала меня, хотя я громко обратился именно к ней. Она продолжала строить башню из деревянных кубиков, потом разрушила её и начала строить снова.

Остальные обезьяны гонялись друг за другом и кричали. Ни одного разумного слова я от них не услышал. Ну, подождите, обезьяны! Когда

я к вам приду за письмами, то всё вам припомню. Может, тоже покажу язык!

В общем, я не могу тратить время на разные шалости, ведь голубю необходимо серьёзное письмо, за которое ему не было бы стыдно. Так что я продолжил поиски. Выбрал оленя — у него такие умные глаза. Но, к сожалению, олень не очень хотел писать письмо.

— Представьте себе, — сетовал он, — что в этом году на моих рогах появится ещё одна веточка. Я в отчаянии! Ведь скоро это помещение станет для меня мало! Не возьмёте ли вы меня к себе? Мне уже нужен парк величиной с половину Праги, чтобы мои рога туда поместились. У вас нет такого? А вы говорите — какое-то письмо... Оставьте меня в покое с такими глупостями и больше не беспокойте. Я как раз собираюсь переговорить с оленихой.

Как бы мне хотелось знать, о чём эти двое беседовали. Уже уходя, я услышал, как они смеются, и тут я подумал: медведь! Вот к кому мне надо идти! Последнее время он был какой-то печальный и хмурый, словно погода перед грозой. Вперёд, к медведю!

Медведь стоял, повернувшись к скале, и не желал показываться посетителям. Держал голову в лапах и даже не поворачивался, когда его звали.

— У-гу-гу-гу, — жаловался он. — Я так волнуюсь о жене. Совсем ничего о ней не знаю. Уже давно... А вдруг с ней что-нибудь случилось?! Неожиданно ушла куда-то...

— Не плачь! Может, в магазин пошла и там заболталась с кем-нибудь, — тихонько утешал я его, стоя у ограды.

— Что за глупости! У-гу-гу-гу! Уже почти три месяца я о ней ничего не слыхал. Я хотел спросить о ней человека, который за нами ухаживает. Но он всегда приходит с какой-нибудь едой, а я, глупец, накидываюсь на еду и ничего не успеваю спросить.

Так ничего и не знаю. Я, правда, слышал, — шёпотом произнёс он, — что надо заявить в полицию, когда кто-то пропадает. Как вы думаете?

Я ему, конечно, сразу пообещал, что всё устрою.

— Видишь, это было бы правильнее всего. Я заявлю, что пропала медведица Элла, и кто её найдёт... Послушай, подними на минутку голову. Ты не хочешь что-нибудь написать своим родственникам? Голубь отнесёт им весточку. Он скоро прилетит.

Медведь снова принялся плакать:

— Я так несчастен. Но я напишу, что-нибудь нацарапаю. Сделаю это для вас. Принесите мне бумагу. — И медведь хотел меня обнять, но через ограду это сделать было невозможно. В конце концов медведь разрыдался. Бедняга!

Я принёс ему бумагу и через три дня, придя за письмом, был крайне удивлён. Медведь подал мне сложенный листок. Весело подмигнув, он сказал мне:

— Прочтите это, ну прочтите же.

И я стал читать.

ВАМ ПИШЕТ МЕДВЕДЬ

Пожалейте меня, друзья. У меня была такая красивая медведица, и вдруг она пропала. Каждый день я высматриваю, не появится ли она

за оградой среди зрителей, но пока мимо ходят только толпы детей. Стоят возле ограды, наклоняются через неё, а потом начинают бросать нам сахар, печенье и всё то, что медведям вообще нельзя давать. Я у них ничего не стал бы брать, но у нас есть один такой глупый попрошайка — Миша. Как только увидит детей, сразу начинает что-нибудь выпрашивать. Набивает рот всем без разбора, а потом ночью ему делается плохо, очень плохо, а мы, остальные медведи, должны его лечить и утешать. Сочувственно говорим ему: «Так тебе и надо, глупый ревун. Ты же знаешь, что дети неразумны, поэтому и бросают то, что тебе испортит желудок. Теперь ты скулишь, дурачок. Разве дети знают, что до них уже кто-то бросал нам сахар и печенье? И что после них придут другие люди, которые тоже будут бросать сахар и печенье, и так будет продолжаться до самого вечера? Если бы у детей был разум, они так не делали бы. Дети не хотели навредить медведям. А если бы у тебя был разум, так ты не попрошайничал бы». Ну вот и поговорите с медведем...

На всех углах написано, что зверей нельзя кормить, однако все люди ходят мимо надписей как слепые и портят нам желудки только ради забавы.

А сколько всего надо убирать после людей каждый день — вы не поверите. Недавно к нам сюда даже дождевик попал. Кто-то, вероятно, был не-

достаточно внимателен и уронил вниз, к медведям, свой плащ. Мы все пошли посмотреть, что это такое. Некоторые медведи очень любопытны, поэтому стали вертеть плащ во все стороны. А те, кто всегда голодны, сразу разорвали его и попробовали на вкус. Через минуту от плаща остались только клочки. Днём сюда никому нельзя. Служители пришли лишь вечером и выбросили обрывки. Они уже ни на что не годились. К нам попадает много вещей: кошельки, куклы и ещё много разного мусора, который сюда бросают плохие люди.

Я на минуту остановился и перестал писать — нужно было почесать брюхо. И в этот момент — у-у-у! — передо мной тьма. Кто-то сзади закрыл мне глаза. Мало кто знает, как быстро могут двигаться медведи. Я развернулся — как молния, и что же увидел перед собой? Передо мной стояла моя медведица. «Ваня!» — воскликнула она. А я тут же: «Где ты была?» — А она: «Подожди, ведь я четыре месяца не ела».

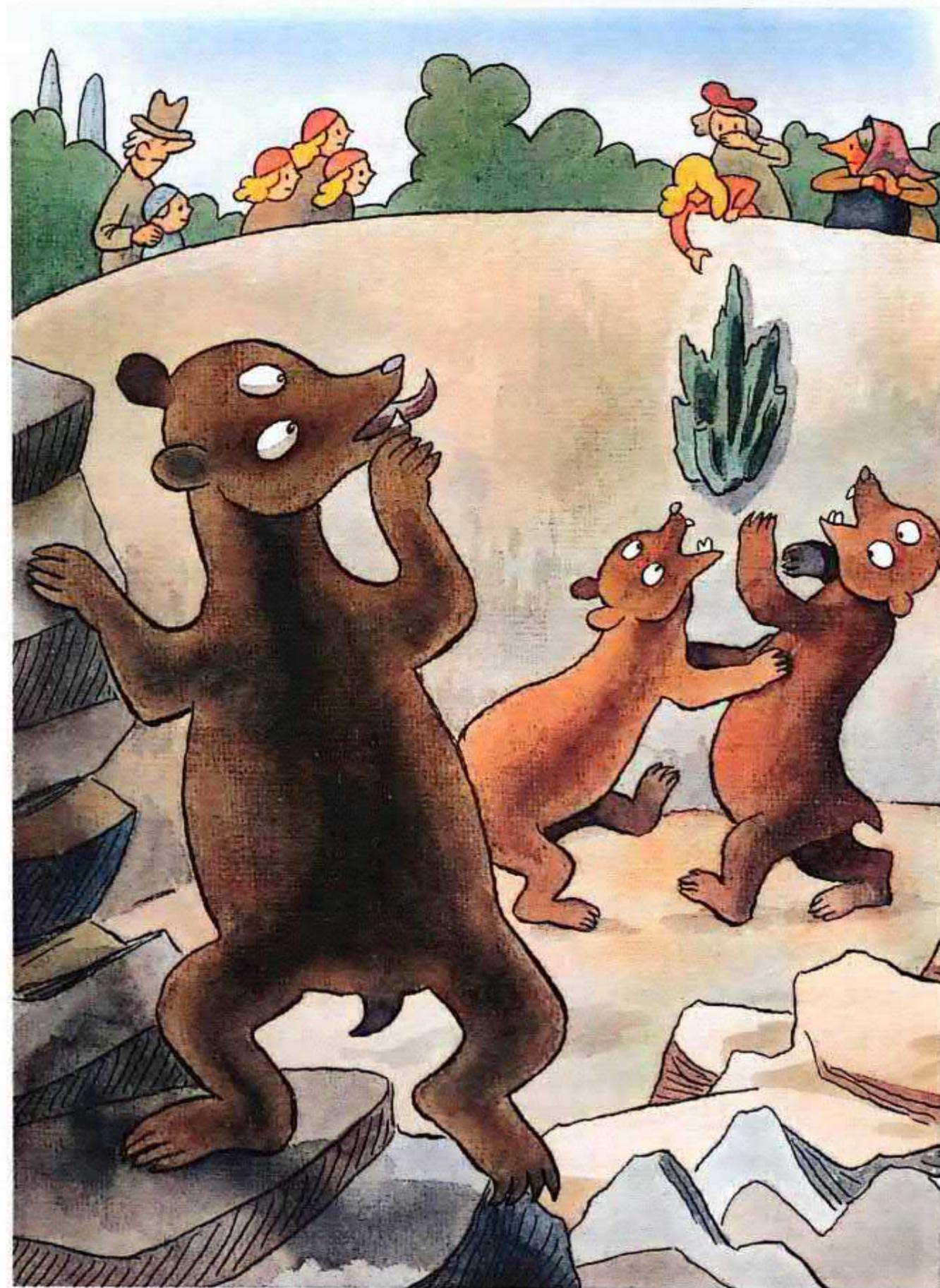
Наверху уже был приготовлен хлеб, овощи и даже кусок постного мяса. Боже мой, она ела с таким аппетитом! И, закидывая в пасть еду, указала мне на клетку, где — о боже! — происходила такая греко-римская борьба, какой я никогда не видел. Двое маленьких, хорошеньких, совершенно прелестных медвежат трепали друг друга,

хватали зубами, лапами, кувыркались, повизгивали. Мне тут же захотелось прыгнуть к ним в клетку и выступить в роли судьи.

«Что, удивлён? — довольно смеялась медведица. — Они родились зимой, поэтому меня и спрятали в берлоге. Всё это время я ничего не ела, а только ухаживала за медвежатами и выкармливала их, ну а теперь они, мои милые, поедут в другой зоопарк развлекать детишек. Они прелестны, правда?»

Медведица не могла глаз отвести от медвежат, а я от медведицы. Я так рад, что она вернулась, теперь уж никуда её не отпущу. Почему она даже словечком не обмолвилась о предстоящем событии? Иначе якобы нельзя было. Медведицы производят на свет потомство всегда зимой. Медвежата такие маленькие и совсем не могут о себе позаботиться. Мама всё время остаётся с ними в берлоге, не ест, не пьёт, а только кормит малышей и даже не выходит подышать свежим воздухом и поесть до тех пор, пока медвежата не подрастут и не начнут драться. Но драка для них — игра, и этой игрой можно только любоваться. Так здорово у них получается!

Жаль, что они скоро переедут. Зрители в их новом доме будут смотреть на медвежат и хохотать до упаду. Они станут говорить, что это самые замечательные медвежата на свете.

«Наши медвежата и правда прославятся, — утешал я медведицу. — Возможно, их портреты даже разместят на плакатах, и каждый, взглянув, подумает: должно быть, их мама была красавица».

Медведица снова блаженно улыбнулась и обняла меня так крепко, что служащий, испугавшись, тут же подбежал и закричал: «А ну-ка разойдитесь, безобразники! Эти непослушные медведи опять дерутся!»

Как хорошо ты написал, медведь. Из твоих медвежат вырастут действительно прекрасные медведи, и в зоопарк, который их получит, валом повалит народ посмотреть на это чудо. Голубю наверняка тоже понравится такое письмо, и он от радости будет хлопать крыльями. Если все животные напишут

такие замечательные письма, голубь с удовольствием облетит весь зоопарк.

Я должен это сделать. Я позабочусь, чтобы голубь отправился за океан с серьезными письмами. Например, от грифа. Конечно, он напишет мудро. У него так много морщин, как у столетнего старика. Или черепаха — у неё морщин ещё больше. Подождите, подождите, всё не так! У них, конечно, есть морщины, и у грифа, и у черепахи, но на шее! Не на лбу! Что-то я напутал. Много морщин на лбу и у молодых обезьян, но они шуты и кривляки, несерьёзный народец. Ну-ка, посмотрим дальше!

Тут передо мной широко раскрылись какие-то ворота. Или это не ворота? Стоп! Какая-то большая дыра... Боже мой! Да ведь это открытая пасть бегемота! Представьте себе, я забрёл к бегемоту.

— Извините... — произнёс я заикаясь. — Я, собственно... письмо...

— Письмо... — добродушно повторил бегемот и захлопнул свою огромную пасть. — Видите ли, я не почтовый ящик. Он находится в главном здании, — сообщил он и посерьёзnel, как и полагается бегемоту.

Теперь открыл рот я. Что, если бы бегемот... О, это было бы прекрасно. Бегемот такой грустный, он уж точно не будет писать в письме всякую ерунду.

Мы быстро договорились. Письмо? Ну разумеется. Я обязательно приду. Через два дня я прибежал к нему за посланием. И это действительно было по-настоящему серьёзно.

БЕДНЫЙ БЕГЕМОТ ЖАЛУЕТСЯ

Дорогая семья и милые мои родственники!

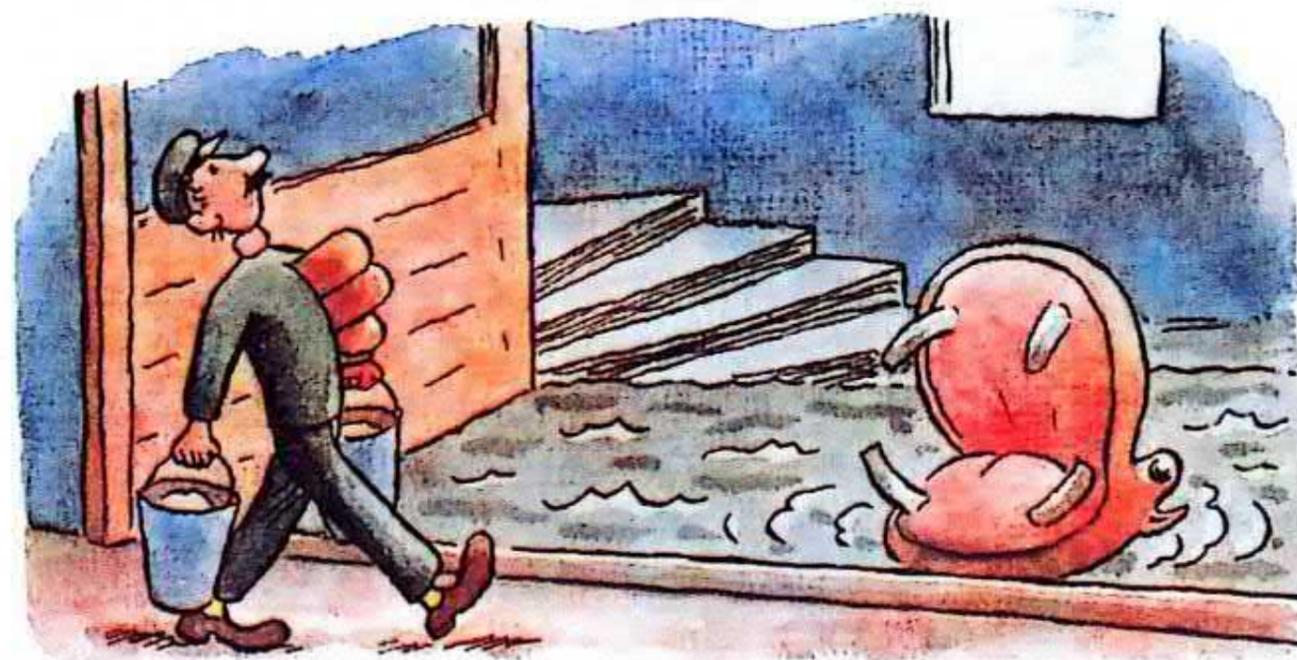
Как вы поживаете? Как дела у Тоничка и Манчинки? А толстячок Бимбола? А Кукулинка? Ох и наигрался же я с ними в детстве... Но после того, как меня поймали и посадили в ящик, в котором мне было даже не повернуться, я больше с ними не виделся. Друзья мои, сколько мне пришлось вынести! всю жизнь я был заперт, но когда меня выпустили из ящика, всё равно не оставили в покое — мне подпилили зубы, и это было ужасно.

Я должен рассказать вам обо всём. Вы знаете, что спереди у меня мало зубов, всего четыре. Но их вполне достаточно. Как только открою пасть, все начинают бояться моих зубов. Они такие мощные, что люди называют их клыками. Вообще-то всё равно, как их называют. Дело в том, что они стали уже достаточно крупными и начали врезаться в десну. Я знаю, что у себя в Африке вы можете шлифовать зубы естествен-

ным путём, грызя разные предметы, но у меня здесь нет таких возможностей.

«Слушай, паренёк, — сказал мне служитель, который каждый день носил мне еду. („Ты ешь столько же, сколько я? Я и за весь день столько не съем“.) — Дальше так не может продолжаться. Я должен пригласить врача».

И он пригласил... Тут-то всё и началось. Если бы пришёл врач! Но ко мне прислали пожарных! Вы думаете, пожарные мне помогли? Ничего подобного. Сначала они выпустили всю воду, в которой я купался, а потом затолкали меня в маленький загончик. Будь я дома, я кричал бы. Но я стеснялся и только открыл свою большую пасть, что было большой ошибкой. Пожарные только того и ждали. Сразу сунули мне в пасть здоровенный

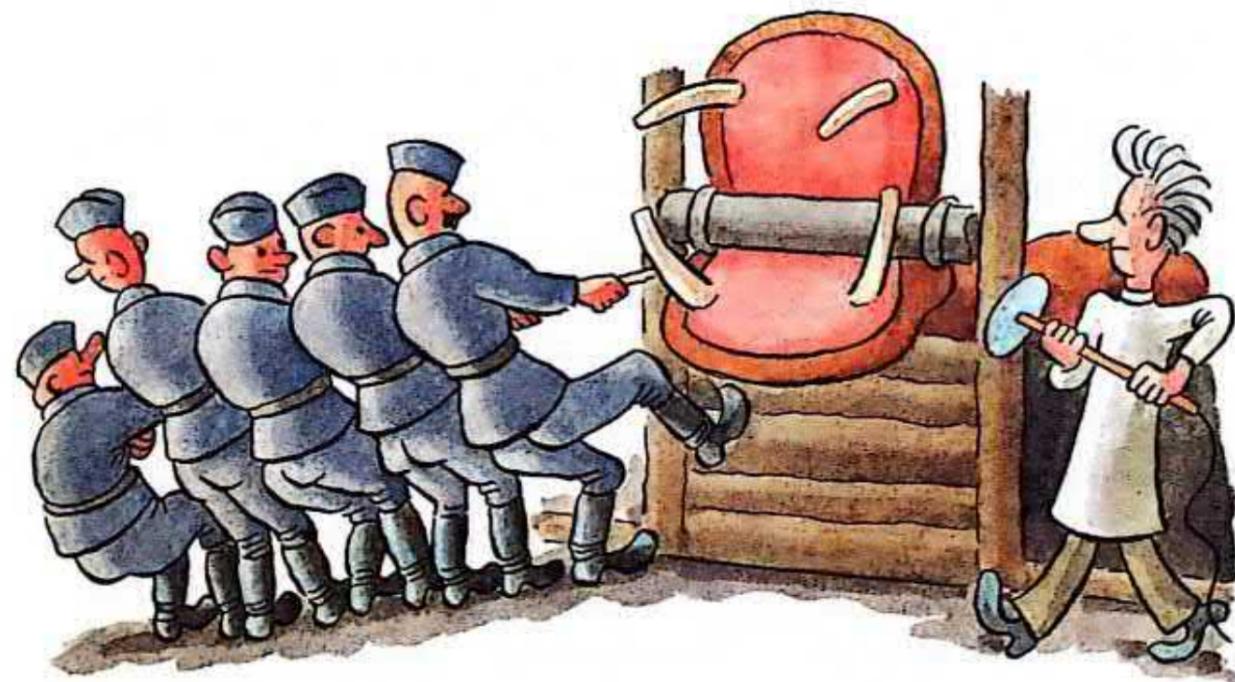

брус, чтобы я уже не мог её закрыть, да ещё и завязали сзади, чтобы я не выплюнул брус.

А в это самое время пришёл и настоящий доктор. Ну, что вам сказать! На палке у него была какая-то жестяная тарелка, и она — др-р-р! — начала вращаться. Я думал, что врач станет вертеть её, как китайские циркачи. Но нет: он приложил мне тарелку к зубу и — др-р-р! Это, доложу я вам, было ужасно. Тарелка оказалась пилой, и доктор ею стал отпиливать зуб. Знаете, ведь я ещё ни разу не был у зубного врача. Маленькие детишки, совсем карапузы, ходят к зубному, словно в кондитерскую, и совсем не боятся. Я, например, был готов выскочить из шкуры!

Зря я тогда этого не сделал. Вот люди удивились бы, если бы по зоопарку носился бегемот без шкуры. Конечно, народ испугался бы. Наверняка стали бы меня просить влезть обратно в шкуру, но я сказал бы им: «Пусть сначала уйдёт доктор с пилой!» Однако я этого не сделал и продолжал мучиться. Даже пошевелиться не смел, только закрыл глаза, а пила между тем — др-р-р, др-р-р! — без остановки.

У детей и вообще у всех людей очень маленькие зубы, наверно, поэтому им не больно, когда их сверлят. Но если у кого-то такие огромные зубищи, как у меня... Что тут говорить — я уже слышал, как поют ангелы-бегемоты. Но не думайте,

что мне было весело, когда они пели. Мне казалось, что ангелы подвешены за ногу, а под ними — крокодил с открытой пастью со страшными зубами. На нём сидел павиан и дирижировал пением ангелочков-бегемотиков. Я попробовал открыть глаза, и — о ужас! — вместо ангелочков увидел перед собой восемь пожарных, они удерживали меня с помощью толстой верёвки. Я поскорее опять закрыл глаза и снова увидел ангелочков, висящих привязанными за ногу.

И вдруг всё закончилось.

Я открыл глаза... и просто вытаращил их. Друзья мои, если бы у меня было хоть сто глаз, я не поверил бы ни одному. Представьте, я увидел, как доктор показывал служителям и администратору (они наблюдали за процедурой) четыре

больших куска клыков, которые он мне отпилил. «Видите, вот из-за этого бедняга мучился. Через несколько дней он уже не смог бы закрыть пасть». Затем из моей пасти наконец вытащили эту ужасную распорку и отвязали меня, чтобы я мог двигаться. А потом — потом у меня так закружилась голова, что я упал на брюхо. Больше я ничего не помню.

Тётушка, дядюшка, не верьте никогда пожарным. Если вдруг они к вам придут, спрячьтесь в воде и не показывайтесь. Они, конечно, хороши для огня, но для нас совершенно не годятся.

Но и люди, которые сюда ходят, доложу я вам, тоже не слишком приятны. Мы, бегемоты, здесь в зоопарке совершенно беззащитны. Посетители совершенно уверены, что мы — корзины для всякого мусора. Стоит нам открыть пасть, как они сразу начинают кидать туда всякую ерунду. Мой предшественник, бегемот Пётр, — он, бедняга, от этого умер. Каждый думает, что бегемот будет благодарен всем, кто что-нибудь кинет ему в открытую пасть. Им было всё равно, хорошо это для бегемота или плохо. Ну, люди бросали, бросали — и добросались. В один прекрасный день бедняга бегемот перестал замечать людей и открывать пасть. Он не ел даже того, что ему принесли служители, вообще не прикоснулся к еде. На другой день он не пошёл в воду; на третий

день только грустно моргал, а на четвёртый умер. В зоопарке все рвали на себе волосы, не зная, что делать с этой огромной горой мяса, которая несколько дней тому назад ещё двигалась, а теперь лежала на земле. Шкуру огромным пакетом передали в музей, но то, что нашли в желудке бегемота, было ещё страшнее. Потом все эти странные предметы, обнаруженные в желудке бегемота после его смерти, демонстрировали в застеклённом шкафу. Из найденных предметов можно было собрать мотоцикл. Там были также игрушки, мячи, разные шапочки и другие мелочи. И всё это бегемоту в пасть набросали посетители.

Они, наверное, и вправду не знают, что нам полезно. Всё время дают нам что-то, от чего по ночам у нас болят желудки, а злые люди бросают нам то, от чего мы потом умираем.

Кстати, никто из вас не хочет сахару? Мы им уже объелись. Не знаем, как сказать людям, чтобы они нас им не кормили. Если кому-то понадобится сахар, напишите, пожалуйста.

Ваш родственник
Губачек

ПРИШЁЛ ПЕРВЫЙ ОТВЕТ

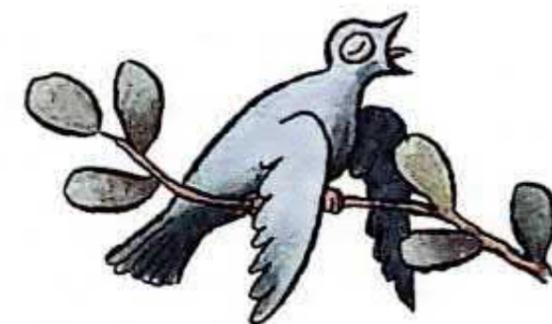

Вот это было путешествие!

Знаете, это письмо бегемота было довольно прохладным. Но вы не поверите, как оно согревало мне сердце, когда я его нёс. Я был готов прыгать и танцевать. Я уже думал, что бы мне такое сплясать (хотя плясать я не умею), как вдруг меня остановил служитель: «Вам только что звонили. Откуда-то издалека. Абонент не представился, не сказал, кто звонит, но сообщил, что уже летит».

Что? Не захотел назваться и уже летит? Ну так это голубь. Мой дорогой друг голубь! Я уже хотел громко выразить свой восторг, но вовремя остановился, просто вежливо поблагодарил служителя (вдруг он догадался бы!) и помчался наверх, к ворону. Молодчина-голубь уже сидел на ветке. Но он ничего не мог сказать, только хрипел, крылья его бессильно повисли.

— Воды, воды! — просил он. Мой дружок знал, что у меня есть вода. Я быстро открыл бутылку, и голубь долго-долго пил.

— Ах, какое это было путешествие с посланием тигра! — выдохнул он и понемногу начал рассказывать: — Я, глупец, думал, что тигры водятся только в Индии, но мне пришлось летать за ними по Суматре, по Китаю и над снегами Сибири! Вот уж я налетался! А как гоняли меня эти дикие кошки! Каждый тут же хотел меня сожрать. Они решили, что когда желудок пуст, сойдёт и голубь. Но я им ворковал: «Ту-ту-ту!» — и старался не подлетать близко. Только в Бенгалии попался один тигр, с которым этот номер не удался. Но я на всякий случай остался сидеть на ветке. Боже мой, как он скалил зубы, открывая пасть! Ну, я взял да и бросил ему письмо сверху.

Вы не поверите, сколько было радости, когда звери прочитали письмо! Тигр тут же побежал с этой бумагой к своей жене и вскоре возвратился с ответом. Однако он не бросился сразу ко мне. Он уже понял, что я его боюсь, поэтому сунул послание между ветвей, а сам ждал поодаль, когда я его возьму. Потом этот добряк спросил, не надо ли мне чего-нибудь в дорогу. У него, мол,

за кустами припрятан свежий кабанчик, которого он вчера задрал в поле; он лежит там, прикрытый ветками, чтобы его никто не украл. Ему-то самому этого кабанчика хватит на два раза. Тигр очень удивился, когда я сказал, что не хочу никакого кабанчика. Мне его даже не унести. Тогда он стал предлагать мне хотя бы кусочек печёнки — самое вкусное. Но я и от печёнки отказался. Спрятал письмо и обрадовался, что могу лететь.

— Давай поскорее прочтём тигриное письмо, — я просто дрожал от нетерпения и готов был сам его вскрыть.

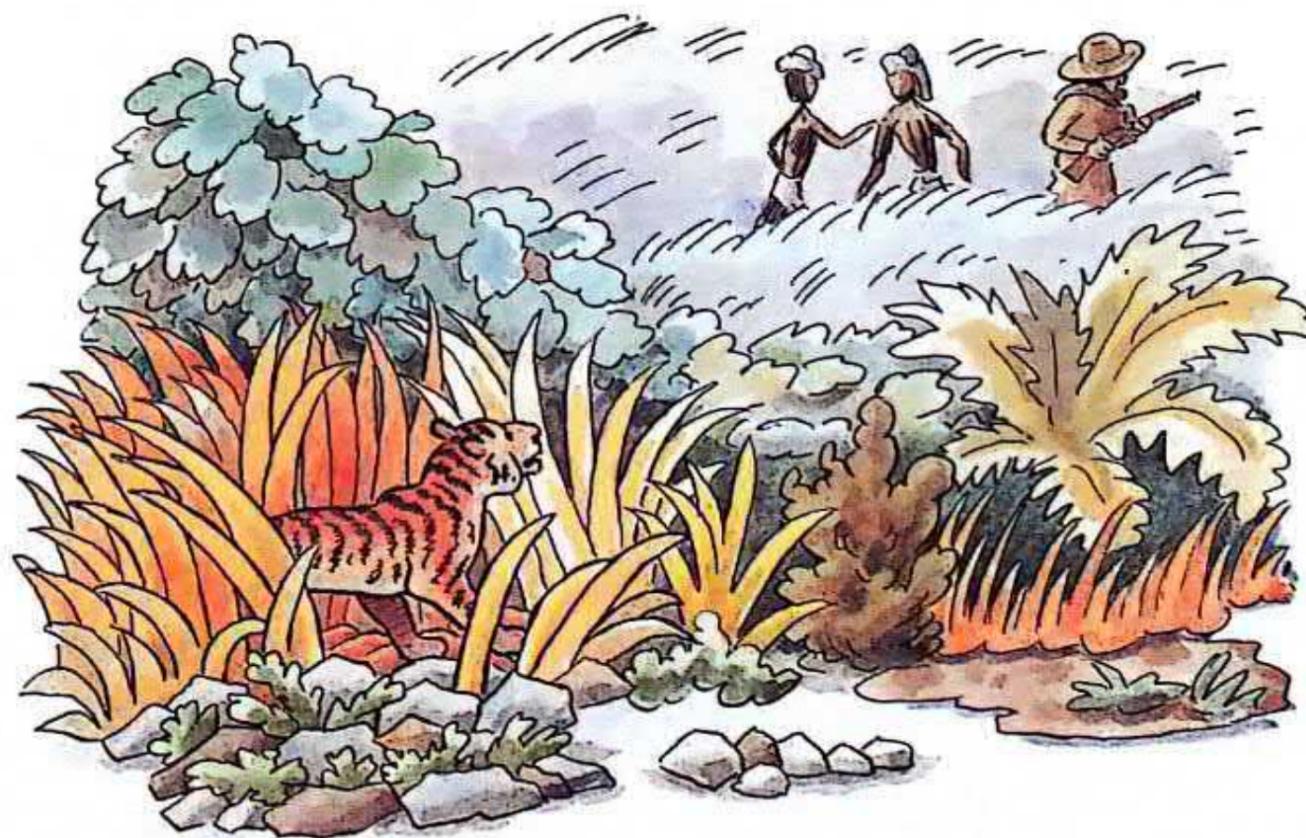
И мы прочитали послание тигров.

ДОРОГИЕ ПРАЖСКИЕ ТИГРЫ!

Какие же вы хорошие! Вы даже не представляете, как нам тут, в джунглях, было приятно получить ваше письмо. Радуйтесь, что вы сидите в тепле и у вас есть крыша над головой, что люди не охотятся на вас с ружьём и что для вас не копают повсюду ямы-ловушки. Мы здесь от одного сезона дождей до другого трясемся за свою шкуру. Местные жители радовались, что мы время от времени гоняли диких кабанов или оленей, которые разоряли их поля. От этих людей нам в достатке перепало мяса. А теперь тигров

подстерегает белый охотник, который хочет просто похвастаться нашей шкурой. Я лично этому охотнику ничего не сделал. Я его даже не знаю. А он нанял загонщика и уже несколько раз пытался меня поймать, но, к счастью, мне удалось ускользнуть. Теперь какое-то время мы можем жить спокойно, так как переселились поглубже в джунгли. Мы с женой и детьми оказались в хорошем месте: близко от воды, так что каждый раз после еды можем пить сколько угодно, пока не забулькает в брюхе. И это хорошо. Но рано или поздно нас всё равно выследят.

Очень мило с вашей стороны, что вы вспомнили о нас и написали такое длинное письмо.

Правда, мы с женой никак не могли понять, что такое мухоловка. Это что, какой-то зверь, пожирающий тигров? Здесь у нас никаких мухоловок нет. Я с удовольствием посмотрел бы на такую, мы ей показали бы, что такое настоящий тигр. Я ей шубу-то потрепал бы... Принёс бы её в логово ещё живую и отдал тигрятам — пусть позабавятся. Не стоило вам её так бояться.

Хотелось бы знать, есть ли у вас павлины? У нас они летают по лесу. И такие вкусные, я вам скажу, если конечно, удаётся поймать павлина! Попробуйте, вам понравится. Правда, длинные хвостовые перья, которые павлин распускает, мы не едим, но сами птицы — настоящее лакомство. Если захотите попробовать, сообщите — мы вам

их пришлём. Они красивые. Правда, мясо, скорее всего, испортится в дороге, да и кто-нибудь может отнять его у голубя и съесть.

Если у вас будут какие-нибудь смешные истории, напишите нам. Будем рады.

— Смотри-ка, вот уже и ответ пришёл, — рассмеялись мы. — Сейчас же отнесём его тиграм.

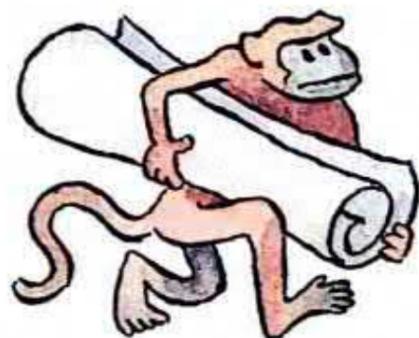
Тигры чуть с ума не сошли от счастья.

— Письмецо, письмецо! — кричали они. — Сегодня вечером будем читать его вслух!

Лев Цезарь решил тоже что-нибудь написать, но решил сначала подумать, а потом уж всех удивить. Письмо от льва дорогого стоит.

А пока что он, подперев голову лапой, очень глубоко задумался, что бы такое написать. Судя по позе, в которой застыл лев, он придумает что-то необыкновенно интересное.

ДРУЖИЩЕ, ТЕБЯ ОЖИДАЕТ НОВЫЙ ПЕРЕЛЁТ

Но тебе будет что нести

— Понимаешь, для меня это счастье — кому-то приносить радость. Что бы они без меня делали? Наверно, каждый хотел бы, чтоб я к нему прилетел и спросил, где его послание? А я ответил бы: давайте мне, я передам. Видишь, я всё-таки приношу пользу, — довольно улыбнулся голубь.

Я не мог дождаться, когда он договорит.

— А я, по-твоему, здесь вообще ничего не делал, голубок? — возмущённо воскликнул я и гордо вытащил два письма — от медведя и бегемота.

— Ну вот! — обрадовался голубь. — Молодец. К бегемотам я с удовольствием полечу. Думаю, они меня не проглотят. А медвежье письмо пока спрячу — медведи подождут. Но если ты найдёшь ещё какое-нибудь письмецо в Африку, то очень меня порадуешь. Чем больше писем, тем лучше.

Я потирал руки от радости. Ведь верблюды обещали мне, что напишут. А обезьяны сообщили, что у них уже кое-что есть. Я строго предупредил этих кривляк, что все послания должны содержать только серьёзные вещи. Никаких обезьяньих глупостей. Иначе я писем не возьму.

— Хорошо, голубь, найду, — обещал я с радостью. — Приготовлю тебе ещё два послания, ты будешь удивлён.

Я пулей помчался к верблюдам. Письмо у них уже было готово. Они сияли от счастья, только вдруг письмо куда-то запропастилось. Ведь оно только что лежало вот тут — под жёлобом для воды! Ещё минуту назад оно было тут! Никто ведь не мог его взять? Они искали в копне сена, во всех уголках своего загона — верблюды были просто в отчаянии. К счастью, письмо наконец обнаружили во рту у годовалого Гонзика. Представьте себе, этот вечно голодный верблюжонок нашёл послание и как раз собирался его съесть!

Это было странное письмо, но всё равно было бы жалко его не отправить. Верблюды очень старались, когда его сочиняли. Посмотрите, что они написали.

ДОРОГИМ ГОРБАТЫМ ДРУЗЬЯМ В АФРИКЕ

Мы крайне взволнованы. До сих пор плохо спим. Вы не поверите, какое странное событие у нас произошло. Представьте себе, что верблюдица Нашефатима с этого времени стала говорить во сне, чего раньше с ней не случалось.

Может, вы посоветуете, что нам делать? Мы здесь живём довольно спокойно, каждый день получаем достаточно корма. Но представьте себе, недавно к своему удивлению мы обнаружили то, что нас привело в изумление. Около нашей ограды остановилась группа маленьких посетителей. Все они были абсолютно нормальными, то есть на спинах у них были горбы, как и у нас. И только взрослый посетитель, который их сопровождал, такого горба не имел, а нёс лишь перекинутое через руку пальто.

Разумеется, мы изумились. Ведь нас окружают одни ненормальные создания, у которых вообще нет горбов. Даже наши смотрители ходят без горбов. И вдруг к нам приходит столько украшенных горбом людей, похожих на нас. Конечно, мы пришли в восторг и безмерно обрадовались. Мы, обгоняя друг друга, понеслись к ограде, вытягивая морды, чтобы увидеть эти замечательные создания.

И вдруг — мы просто глазам своим не поверили! — все малыши стали снимать свои прекрас-

ные горбы и ставить их перед собой. Они стали что-то в них искать и — о ужас! — вытащили оттуда куски хлеба, рогалики и булочки и стали нас кормить... Такое разочарование!.. Мы чуть не расплакались, и аппетит тут же совсем пропал. Но среди нас есть маленький, постоянно голодный Гонзик, и он, глупыш, сразу начал кланчить у детей хлеб и другие лакомства, открывая рот и жадно хватая всё, что ему давали.

Что же нам было делать? Ведь Гонзик мог испортить себе желудок, если бы ел один. Но он же один из нас — так что мы, жертвуя собой, тоже стали открывать рты. Ну, мы ели, чтобы Гонзик не испортил желудок.

А на то, что произошло через некоторое время, мы вытаращили глаза ещё больше. Мальчики и девочки в конце концов завязали свои мешки, закинули их на спину, и все вдруг снова стали горбатыми красавцами и пошли дальше.

Мы смотрели им вслед, и из наших глаз текли слёзы. Единственные создания, похожие на нас, у которых были такие красивые горбы на спине, — и они уходили. Исчезали вдали, словно фата-моргана, мираж в пустыне. Единственные создания, которые хоть некоторое время были нормальными, с горбами, — уходят.

Правда, здесь бывают и другие дети, они тоже дают нам хлеб, булочки, пироги, хотя в зоопарке

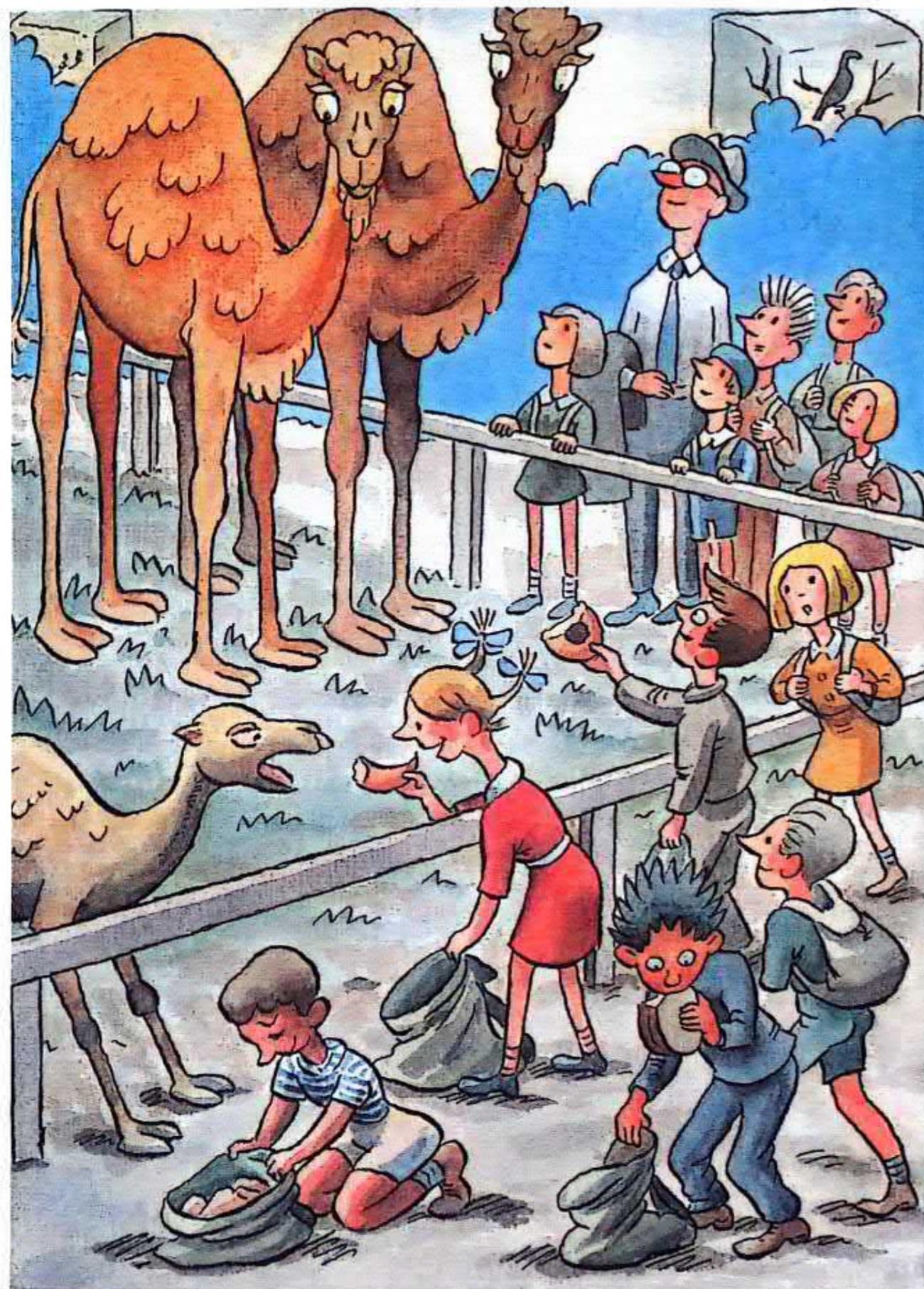
этого делать не следует, — но у них спинки ровные, а нам это не нравится. Нам кажется, что отсутствие горба — признак нездоровья, поэтому таким детям мы не слишком рады.

Но мы никак не можем понять, как такие красивые нормальные дети могли в своих горбах носить еду и как им удалось их снять. Это, наверно, какое-то новое человеческое изобретение. Мы опасаемся, как бы наш Гонзик не вздумал последовать примеру тех детей. Он на всё способен. Наверняка этот озорник захочет всё-таки потихоньку попробовать снять горб. Возможно, ему это и удалось бы. Но рогаликов он там всё равно не нашёл бы.

Посмотрим, что ответят на это господа верблюды из Африки. Ну а пока у нас есть следующее письмо. Мне вручил его шимпанзе с большой серьёзностью.

УВАЖАЕМЫЕ ОБЕЗЬЯНЫ!

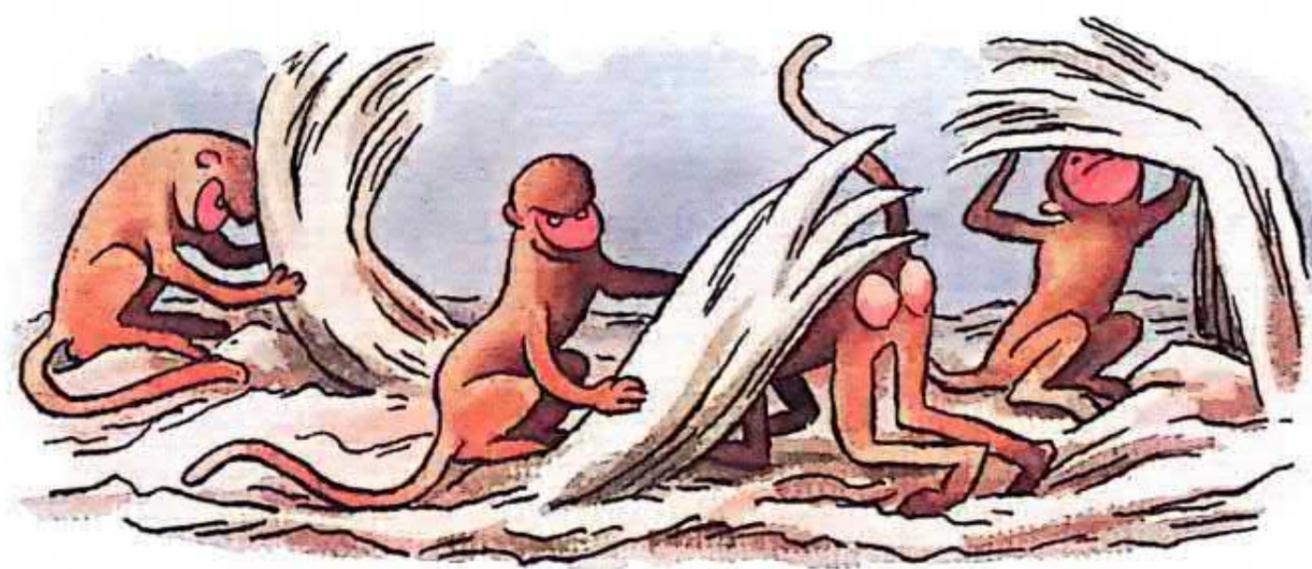
Всё обезьянье сообщество обратилось ко мне, как к самому разумному, с просьбой написать вам письмо. Я не отказываюсь, поскольку не палясничая перед публикой и могу быть серьёзным.

Отчего же мне не написать вам письмо, может, я и правда самый разумный среди обезьян. Напишу, как только публика нас оставит в покое. Вы даже не представляете, как будет здорово. До той поры, пока не было стеклянной стены между клеткой и посетителями, со зрителями просто сладу не было. Честное слово, люди порой хуже обезьян. Они тыкали в нас пучками соломы или палками, кидали печенье или орехи и не давали нам ни минуты отдыха. И горе той обезьяне, которая свешивала хвост из клетки наружу! Её сразу же начинали за него дёргать. С утра до вечера посетители не давали обезьянам покоя. Мы могли бы сойти с ума, если бы позволили зрителям делать всё, что им нравится.

Не хочу больше говорить о людях! Ни за что не хотел бы быть человеком. Ну, разве что парнем, который за нами ухаживает, потому что он симпатяга. С ним мы можем играть, как хотим, он готовит для нас всегда самое лучшее. Я хотел бы, чтоб обезьяны меня слушали. Но попробуйте с ними поговорить. Если бы они могли слушать, я сказал бы, например, мартышкам, что каждый день их клетку выстилают свежей соломой и что в этой соломе они ничего не найдут. Но они никого не слушают. Всё время что-то ищут в соломе. Кто-то им сказал, что когда-то одна старая обезьяна с длинными усами и палкой спрятала в этой соломе

большой обезьяний клад. И они ищут его с утра до вечера. Всё время ворошат солому и думают, что однажды найдут клад. Уже всю солому перевернули; эту солому им столько раз меняли, а они продолжают копаться в ней, всю её перетрясли. Вот я и не знаю, как им об этом сказать, потому что обезьяны есть обезьяны. Ну, я и сам искал бы вместе с ними, если бы знал, что что-то найду. Однако то, чего мне очень хотелось бы, не нашёл. А я хотел бы, например, чтобы у меня была собственная поляна в густом лесу, полном высоких деревьев, где я мог бы скакать с ветки на ветку и играть с каким-нибудь другим шимпанзе в прятки. А перед клеткой стояли бы люди и говорили: «Здесь ничего нет, одни деревья. Пошли дальше, в соседней клетке обезьяны таскают друг друга за уши. Это интереснее». А я тем временем прятался бы в ветвях и кричал по-обезьянью.

Короче говоря, от людей ни на минуту нет покоя. Скажите, пожалуйста, кто может такое выдержать? Как раз когда я хочу поиграть, перед моей клеткой вдруг появляется куча посетителей. А у меня в клетке имеется вполне приличная старая автомобильная крышка. Я могу её надеть на голову, словно нимб, иногда делаю с ней кувырки или надеваю на шею как рамку и улыбаюсь, будто у фотографа. Ну, в конце концов, ничего особенного, пусть люди полюбуются на красавца, на замечательную обезьяну. Но иногда я начинаю в клетке прыгать, просто так, чтобы размяться. Прыгну вверх и — бац! — задними ногами в металлическую дверь, ведущую на площадку. Прыгну вниз и — бац! — в нижнюю дверь, через которую мне приносят завтрак. Поднимаю такой шум, что весь зоопарк дрожит. Потом накидаю на голову соломы и выгляжу таким же лохматым, как некоторые барышни, что сюда приходят.

Люди смеются, но в душе я злюсь, потому что я хотел бы играть без свидетелей и показывать всякие трюки только своей подруге. Она была бы в восторге, увидев меня таким лохматым, и радовалась, что я такой красавчик. Она бы подумала: «У обезьяны нет расчёски, почему же она должна причёсываться? Тогда она выглядела бы как человек, а это непорядок. Да, если какой-нибудь молодой человек или барышня не имеют ни дома,

ни расчёски с собой, то они выглядят как мы. (Я бы сказал, что они выглядят как обезьяны, но так говорить нельзя.) А это тоже непорядок».

Ну что ж, раз я не могу развлекаться в густых ветвях дерева с подругой, значит должен устраивать эти концерты перед людьми. Они мной восхищаются, а мальчишки мне даже завидуют. «Если бы у нас было четыре руки, мы тоже смогли бы так. Но у нас только две, и мы даже прилично шума не можем устроить в школе!»

Сказать по правде, иногда я пробовал вести себя тихо, но люди просто не могут понять хорошего поведения. Однажды я сказал себе, что весь день буду хорошим, и даже не пошевелился — и поверьте, зрители почти не замечали меня. Только одна женщина побежала в администрацию требовать назад свои деньги. «Эти обезьяны сидят как тюфяки. Я пришла не на кладбище, а в зоопарк, позабавиться!» А там ей сказали: «Хорошо, что вы пришли. Вам телеграмма! Вы должны срочно вернуться домой. Ваши мальчишки разобрали крышу и бросают черепицу в соседских ребят. А завтра, когда пойдёт дождь, вашу квартиру зальёт. Уже собираются тучи... Уже молнии сверкают...» И дама тут же убежала. Я даже не успел её поблагодарить. Когда она придёт в другой раз, я должен буду компенсировать ей затраты. Я устрою для неё весёлое

САМЫМ БОЛЬШИМ ПТИЦАМ НА СВЕТЕ

представление. Для этого я заказал кучу черепицы. Вот дама посмеётся!

Я должен постараться, чтобы не посрамить обезьян. Правда, некоторые обезьяны действительно ведут себя ужасно. И нас, приличных обезьян, они не должны позорить.

Так что если кто-то из ваших обезьян хочет попасть в зоопарк, пусть сначала научится как следует себя вести. Сюда ходят маленькие дети, и обезьяны должны подавать им пример. Может, потом обезьян из зоопарка станут приглашать в школы и показывать их детям со словами: «Смотрите, какая чистенькая обезьянка, как причёсана и даже не дерётся». Они в школы посылали бы только одну обезьяну, чтобы ей не с кем было драться, а по утрам учительница умывала бы её и причёсывала.

Ну и выдумщицы вы, обезьяны! Чего только не придумаете! Поэтому люди вас любят. У ваших вольеров всегда больше всего посетителей. Однако — бедняга голубь! Ему придётся полетать с вашим письмом! Ничего, пусть поработает... А чтобы голубь знал, что я тоже не бездельничал, я ему принесу письмо от африканских страусов. Просто чудо, что у нас есть эти великолепные птицы. Значит, надо воспользоваться ситуацией. Мне даже не пришлось их уговаривать, я тут же получил следующее письмо.

Пишу это письмо за свою жену — она немного стесняется. Знаете, мне здесь очень не нравится, к чему скрывать! Меня поместили не в маленький загон, я живу на большом лугу вместе с жирафами. Место очень красивое, это правда. Местность похожа на Африку, только обнесена забором. В конце концов, это не самое главное, поскольку места здесь хватает, но мне дали всего одну жену, к тому же ужасную жеманницу! Я люблю поговорить и с удовольствием слушаю, о чём жёны болтают между собой, а эта всегда одна и вообще не разговаривает. Только ходит вдоль проволочной ограды, смотрит наружу и молчит, молчит, молчит... А когда я сам завожу разговор, начинаю рассказывать анекдоты или какие-нибудь глупости, которые слышу от людей, жена пугается и убегает. Если же я пытаюсь её догнать, чтобы сказать всё на ушко, жена бежит ещё быстрее. Она хочет от меня спрятаться, но здесь негде. И тут же начинаются выкрутасы: жена перестаёт есть — крошки в рот не берёт. Ну, я бы с ней не церемонился, конечно: не хочешь есть — не ешь, не убудет. Но в зоопарке так не положено, все должны есть. Однажды я видел, как её загнали за ограду, чтобы накормить. Жене надели на голову какой-то чулок. Наружу торчал только

клюв, который ей раскрыли, и служители зоопарка сами её накормили. Поскольку страусиха не видела, что с ней делают, то проглотила пищу. Так её кормили до тех пор, пока она не опомнилась и не начала есть самостоятельно.

Жена и теперь бегают вдоль забора и ищет дыру, через которую можно сбежать. Наверное, она, глупая, не знает, что вокруг всего зоопарка тоже есть забор, и раз мы,

бедняги, не умеем летать, то наружу нам не выбраться. И даже около кассы, где ворота открыты, её просто так не выпустили бы. «Как вы сюда попали без билета?» — спросили бы страусиху. А она не знала бы, что ответить. Вот она обрадуется, когда её доставят обратно в загон, накормят и даже не потребуют уплатить штраф.

Надо признать, что персоналу приходится повозиться с нашим питанием: они варят для нас картошку, яйца, дают нам мясо и овощи. В своём загоне мы потом можем пощипать травки, проглотить пару камешков. Всё, что мы получаем, очень вкусно.

Мы, конечно, с радостью продемонстрировали бы свой ум, потому что служители зоопарка не слишком высокого мнения о нём: якобы в наших маленьких головках не может разместиться большой мозг. Я с ними согласен, наш мозг действительно небольшой, но зато какие у нас ноги! И хотя у нас на ногах всего по два пальца — многие над нами посмеиваются, — мы можем этой ногой так поддать, что все разговоры тут же заканчиваются. У кого ещё такие сильные ноги? Давайте померяемся силами!

В прошлый раз я просто забавы ради погнался за одним из служителей, а этот балбес испугался и упал. Я — за ним; подпрыгнул и погладил его ногами по голове. Его увезли на скорой, бедняга месяц пролежал в больнице. Такая неприятность для нас!.. Но ведь не станем же мы из-за людей носить перчатки, даже в зоопарке.

Поэтому я вас прошу, если вдруг несколько страусих захотят ко мне приехать, пусть возьмут тёплые вещи. Здесь капельку холоднее, чем у вас в Африке, но выдержать можно. Я с жёнами

обращался бы очень хорошо, и люди порадовались бы, что в их зоопарке стало больше страусов.

Ну а если мальчишки, которые приходят сюда, ломают язык, стараясь произнести скороговорку со словом «страус», так на это не надо обращать внимания, пусть себе ломают. Эта скороговорка трудна только людям. Мы уже давно научились произносить её играючи.

— Отлично, — сказал я, глядя на письмо. — Страус обрадуется, голубь обрадуется, я тоже порадуюсь...

Тут меня остановил служитель зоопарка:

— Прошу вас, загляните в обезьянник. Там опять что-то готовится. Только поскорее!

Вы не поверите, как быстро я умею бегать. Я моментально оказался там, и меня действительно ожидал сюрприз. В клетках, словно по стойке «смирно», стояли какие-то незнакомые обезьяны. Каждая из них держала в руке пучок соломы из подстилки, как букет цветов, и они тут же обратились ко мне:

— Пожалуйста, если не поздно, у нас есть ещё одно письмо... оно у резуса.

Ой-ой-ой! Макак-резус оказался в центре внимания. Он не повернул головы и не сказал ни слова, но, пошарив за щекой, вытащил оттуда застрявшую бумажку.

— Пожалуйста, — упрашивали остальные обезьяны, — пошлите и это письмо тоже. Нижайше просим, целуем ручки!

Затем все обезьяны с достоинством поклонились и продолжили свою игру.

Мне показалось, что обезьянам не слишком понравилось письмо шимпанзе. Вот они и сочинили новое и продиктовали его макаку-резус. Сначала мне пришлось разглядеть листок, потом очистить его, и только тогда я прочитал письмо.

МНОГОУВАЖАЕМЫЕ ОБЕЗЬЯНЫ!

На вашем месте я не стала бы слишком верить этому шимпанзе. Я видела, что он пишет, потому что смотрела ему через плечо. Он вообще не пишет ничего о том, что здесь происходит. А происходит много чего. Например, мог бы написать не только про нас, но и про людей. На них, конечно, не стоит обращать особого внимания. Однако мы с ними общаемся, и само собой разумеется — если тебе что-то предлагают, не можешь же ты не брать. И мы, конечно же, берём. Но иногда людям это почему-то не нравится.

Однажды снаружи нашей клетки, там, где перед решёткой нет стекла, стояла девушка. Она всё время тянула к нам руки, будто предлагая что-то, при

этом просовывая между прутьев край своей шляпы и восклицая: «Ой, какие милые обезьянки! Иди сюда, маленькая, иди сюда, я хочу погладить тебя». Она продолжала совать свою шляпу в клетку. Я решила, что она хочет подарить её нам, поэтому взяла шляпу. А девушка сразу стала кричать, я испугалась и уронила шляпу на землю.

«Помогите, моя шляпа!» — заверещала девушка. Но остальные обезьяны, находившиеся со мной в клетке, подхватили шляпу. Двое взяли её одновременно. Одна из них, славная обезьянка, хотела вернуть шляпу девушке, но другая решила отнести шляпу своим детям. Тут я стала кричать, девушка тоже кричала, обезьяны со шляпой присоединились. К тому же одна из посетительниц зоопарка вдруг завопила: «Шляпа, шляпа, верните девушке шляпу!» Толпа людей уже бежала к клетке, и все кричали.

Я подскочила к шляпе. С одной стороны её держала Лиза, которая любую вещь сразу тащит своему детёнышу, с другой стороны в шляпу вцепился Качер, который ни с кем не хочет делиться. «Дайте сюда!» — строго скомандовала я и кинулась к шляпе. Но как только я потянула её к себе, шляпа сделала «кр-р-рх» — и один кусок её остался у Качера, а с другим куском Лиза скрылась в обезьяннике. Я обрадовалась, что у меня в руках осталось хоть что-то, и подала кусочек

шляпы девушке. Но она, вместо того чтобы обрадоваться, стала кричать ещё сильнее — как три обезьяны, вместе взятые. Даже сторож услышал. Он сразу поспешил к клетке, нашёл двух других обезьян и отдал девушке три куса её шляпы.

Сторож оказался порядочным человеком. Я думала, девушка будет счастлива, что у неё теперь три шляпки вместо одной. Но она была недовольна. Кричала, заламывала руки, расплакалась и убежала. Но что ж делать, наверное, ей этого было мало. В следующий раз постараемся сделать из одной шляпы хотя бы пять кусков. Это уж точно всем понравится.

Не могу сказать, наговаривал ли на нас шимпанзе. Надеюсь, не болтал о том, что старшие обезьяны отбирают у младших то, что они тащат в клетку. Господи боже, ну что тут такого? Если обезьяна старше и крупнее, так у неё и должно быть всего больше, чем у маленькой. В клетке действует такой же порядок, как и там, дома. Да, когда обезьянка совсем маленькая и держится за маму, её никто не смеет обижать. Но как только она подрастёт, то должна сама о себе заботиться. А если ей удаётся добыть хороший кусок, то старшие могут его и изо рта вырвать. Особенно в присутствии нашего вожака стаи и главного в клетке. Он не позволит, чтобы у него из-под носа уплыл лучший кусок. Иногда он и нас гоняет

по клетке, мы его все слушаемся. Даже когда служитель зоопарка приносит нам еду, мы ждём, пока наестся вожак, и только потом едим сами.

У нас тут есть одна обезьяна с очень длинными руками, которая может достать еду, даже если её загнать в дальний угол. У неё не только длинные руки, но ещё и очень длинные пальцы. Сама маленькая, а руки в десять раз длиннее туловища. Ну, может, чуть покороче. Все возле неё останавливаются, хотят посмотреть. Особенно школьники. Они говорили, что хотели бы иметь такие же руки, как гиббон — это такой вид обезьян. Если бы они играли в футбол, то с такими руками могли бы отбить любой мяч. Боже мой, видели бы вы, как гиббон подаёт руку работнику зоопарка! При этом он сидит под потолком клетки, что не мешает ему дотянуться до служителя, где бы он ни находился.

Вот теперь вы знаете немного больше, чем из письма шимпанзе. Сам шимпанзе, наверное, будет удивлён. Да пусть удивляется...

— Большое спасибо, — голубь всплеснул крыльями над таким количеством писем. — Как же я это унесу? Знаешь что? Прежде чем полететь, я тебя проэкзаменую. Загадаю тебе три загадки. Посмотрим, какой у меня помощник. Кто в зоопарке самый честный? — загадал голубь первую загадку.

«Кто же?» — подумал я и стал отгадывать:

— Вероятно, слон. Нет? Значит, крокодил. Он лежит в воде и вокруг него — ни пылинки. Не он? Тогда жираф. Он всем нравится. Чистенький, гладенький, как куколка. Тоже нет? Кто же тогда? — смутился я.

— Кассирша зоопарка, — мрачно произнёс голубь. — У неё не должно пропасть ни копейки. Ты не угадал. А кто в зоопарке самый главный? — продолжал голубь.

— Директор, конечно! — победно воскликнул я.

— Вот ещё! Как бы не так! — засмеялся голубь. — В зоопарке самый главный — зритель. Платит за билет и считает, будто теперь может делать всё, что хочет.

Значит, я опять не угадал. Как глупо! Голубь загадал мне третью загадку.

— Кто в зоопарке больше всех любит поесть?

— Гм... Откуда я знаю? Слон? Бегемот? Лев? Какая-то глупая загадка. Сдаюсь!

— Воробей. Он ест из кормушки у каждого. У льва, у кенгуру, у уток. Видишь, ты не отгадал

даже последнюю загадку. А теперь давай поскорее письма, мне пора лететь.

Голубь обмотал письмами ноги, а одно письмо нацепил на шею — будто птичий ошейник.

Я пожелал голубю счастливого пути.

— Подготовь мне что-нибудь, но только не загадку! — прокричал голубь и исчез за облаками.

ЧТО ТЕПЕРЬ?

У МЕНЯ НИЧЕГО НЕ ПОЛУЧАЕТСЯ

«Ты голубь, удивишься, что я для тебя сделаю», — подумал я и принялся за работу. Но почему-то ничего не получалось. Никто ничего не написал. Наверное, на зверей действовала жара или им просто не хотелось писать.

Вот, например, бизоны. Боже мой, до чего же это угрюмые животные! Голова у них всегда опущена вниз, они никому не улыбаются, а к дорожке для посетителей никогда не подходят. Знай себе стоят в дальнем конце своего огромного загона и хмурятся.

— Скажите, пожалуйста, отчего вы такие сердитые? — спросил я, подойдя к ним. — Почему вы забиваетесь в дальний угол, где вас почти никто не может рассмотреть? — удивился я.

— Во всяком случае, там нас никто не беспокоит, — пробурчал самый сильный бык. — И вообще, с какой стати мы должны показываться

людям? Что хорошего мы видели от них? Посмотрите на наших малышей. Я искал кого-нибудь, кто поиграл бы с ними. Они так хотят этого... Думаете, к ним хоть кто-нибудь пришёл? Прилетели только воробьи, но они уселись на еду и склевали всё, что им понравилось. А наши малыши так хотели развлечься... Я даже пожаловался господину директору, когда он шёл мимо, но директор лишь пожал плечами и сказал, что доложит. И вообще — мы сами должны искать друзей. Мы-то пытались, только к нашим малышам никто не приходит. Вот мы и забились в дальний угол и ни с кем не разговариваем. Не хотят играть — и не надо! Пусть оставят нас в покое и не ходят к нам! Хотим ли мы написать письмо? Кому, скажите, пожалуйста? Бизонов-то почти не осталось. А вот раньше... Когда стали прокладывать эту ужасную железную дорогу от одного моря к другому, с бизонами было покончено. Нашу землю разделили рельсами с севера на юг, потом большинство из нас перестреляли, чтобы для кого-то был обед и ужин, а теперь мы годимся только для зоопарка. Нет. Мы ничего не будем писать. Нам некому.

Действительно, таких мрачных животных, как бизоны, я ни в одном зоопарке не видел. Черепахи, наверное, и то приветливее.

Представьте себе, черепахи со мной не разговаривали. Они только моргали, как бы давая

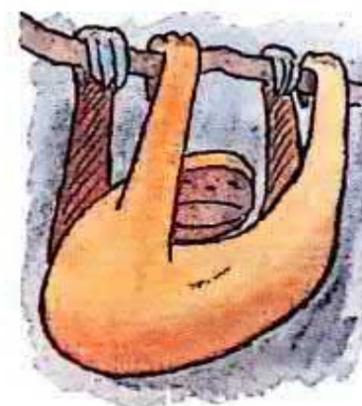
понять, что одобряют почту и мою помощь голубю, однако ни одна не произнесла ни звука. Пожалуйста, если кто-нибудь из вас где-то встретит черепах, не рассказывайте, что им ничего не написали. Сделайте вид, что ни о каких письмах ничего не знаете, а то вдруг они расстроятся.

Тут я вспомнил про ленивца. Он и так ничего не делает, пусть хоть письмо напишет. Ничего с ним не сделается, если поработает. И я пошёл к ленивцу. Но, видимо, не на того попал. Хорошо, что он хоть одним глазом соизволил на меня взглянуть. Мол, он не так глуп, чтобы работать. Ему что, кто-нибудь заплатит? Даст ему еду получше, если он станет писать письма или устроит цирковое представление перед зрителями? Достаточно того, что он весь день висит вниз головой. Может, кто-то попробует вместо него? А ленивец потом придёт посмотреть и спросить, хорошо ли так висеть целый день? Ну, если я хочу что-нибудь написать, так ленивец не против, могу написать сам — ему всё равно.

Нет, ленивец, я писать не стану.

Вдруг я услышал какой-то шум. Много голосов сразу. Вот они, письма, обрадовался я. Но это оказались школьники, которые пришли в зоопарк. Они громко говорили, перебивая друг друга, и двигались, словно водный поток, в шуме которого всё же выделялись голоса девочек. Меня

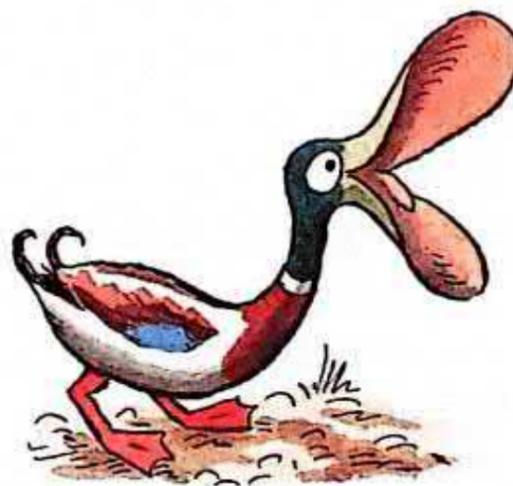
вдруг осенила счастливая идея: надо направиться туда, где больше всего гомона, наверняка там найдётся достаточно желающих написать письма. И я пошёл к прудам с водоплавающими птицами. Вот у них-то есть что рассказать. Я там найду... И прежде чем я успел сказать, кого найду, меня остановила утка.

Друзья мои, у меня закружилась голова от всего, что утка мне успела наговорить, хотя она пригласила меня всего на пару слов. Я, конечно, сам виноват, вступив в беседу. Какая там пара слов! — утка вылила на меня целый словесный водопад. Как мне нравится зоопарк? Ведь она меня видела здесь много раз. Почему я не фотографирую? Был ли я у волков? Где я купил эту ткань на костюм? Вчера была замечательная погода, а сегодня она

может испортиться. Её тётя уже в четвёртый раз вышла замуж. А теперь ей, утке, всё время подмигивает сова. Что здесь за порядки такие?

Ну, доложу я вам, столько даже попугай не наговорит. В итоге я должен был превратиться в утку:

— Что вы, собственно... гм... я... в чём дело?

Утка залилась румянцем. Она извинилась передо мной — мол, заговорила, такое с ней случается. Однако неделю назад она уже написала письмо и хочет, чтобы я сообщил об этом голубю. Она написала письмо тётушке, но ей всё равно, кому я его передам. Лучше всего, конечно, передать письмо какой-нибудь дикой утке, у которой много детей. Они быстро разнесут известие во все стороны.

Утка была крайне смущена и всё извинялась, что заболталась. Наконец она подала мне письмо. Оно было спрятано у неё под крылом.

Письмо оказалось достаточно длинным.

ДОРОГАЯ ТЁТУШКА УТКА!

Люди меня упрекают в том, что я много говорю, для них я просто «болтливая утка», но они неправы. Мы, утки, гораздо менее болтливы, чем люди. Ведь мы вполне смирные птицы. Тётушка, слышала бы ты, что у нас творится, когда приходят школьники, какой стоит шум. Девочки просто рта не закрывают, мальчики тоже не лучше. Мы начинаем кричать, только когда нам приносят еду или когда мы разговариваем между собой. Крякаем ещё, если мимо идёт наш селезень, или кто-

то начинает хлопать крыльями, или что-нибудь пролетает над нами. Можем расшуметься в случае, если какая-то утка начнёт угрожающе крякать, тогда мы присоединяемся и кричим вместе с ней как сумасшедшие — таким образом пытаемся успокоить крикуна (кому охота слушать эти вопли!). Но крикун не прекращает, ну, мы и продолжаем. А почему у нас должно быть тихо? Нам что, и клюв нельзя открыть?

Однако, милая тётушка, я опять заболталась. Я ведь хотела рассказать о нашем новом соседе, который приехал из Берлина. Его называют таким красивым именем — «журавль королевский». Знаешь, он о себе слишком много воображает. На голове у него такая маленькая коронка, как у павлина, и он без конца говорит о зоопарке в Берлине, который, по его словам, даже невозможно облететь, как настоящий парк, притом он такой большой, что с одного конца не видно другого. Всё идёшь и идёшь по бесконечному парку, а потом — раз! — и встречаешь зубров, бизонов, а вокруг них такой простор, что может уместиться десять футбольных полей или сто детских площадок, а зубры просто пасутся и смотрят на вас. И вокруг нет никаких оград, только глубокий ров, который почти незаметен, поэтому создается впечатление, что животные свободно пасутся на лугу. Представь себе, такой ров вместо забора уже

сделали и в Праге, но только к нам через него сразу стали лезть люди. Они решили: ага, бизоны не могут преодолеть преграду, но мы умнее их, мы перелезем; поэтому там снова поставили забор, чтобы люди не лезли куда не надо.

Потом в этом берлинском зоопарке идёшь, идёшь от бизонов и вдруг видишь большую скалу, а по ней передвигается что-то белое. Ни за что не догадаетесь. Оказывается, это белые медведи, их окружают несколько озёр для купания прямо в скале. Потом опять идёшь и идёшь... но постой, ведь журавль не ходил. Он летал. И мы могли бы летать. В общем, журавль долго летел, потом увидел верблюдов, а через продолжительное вре-

мя — буйволов, затем — ой-ой-ой, ты не поверишь — льва и тигра.

Но мы этому балаболу не верим. Один раз он сказал, что облетел зоопарк за два дня, в прошлый раз сказал, что летел неделю, а теперь рассказывает, что не облетел бы зоопарк и за месяц. Он ужасный хвастун. Вот если бы нас туда пустили! Зоопарк может быть каким угодно большим, я его наверняка облетела бы за один день. Однако это невозможно: как только мы попали в зоопарк, нам сразу из одного крыла выстригли большие перья, так что летать мы не можем.

Что ж, мне и так неплохо, я вполне довольна — ведь еды здесь достаточно. А вот бедняга марабу... Вы можете увидеть его в нашем зоопарке. Он грустно стоит возле своей жены и не говорит ни бе ни ме. Наверняка он недоволен, что у него не все перья на месте и он не может отсюда улететь. Мы подходим к нему, потому что он такой задумчивый, и ужасно громко крикаем — он даже пугается. А потом быстро-быстро убегаем: у марабу очень длинный клюв (прямо на ползоопарка), и если он тебя клюнет, меньше чем за четырнадцать дней не придёшь в себя.

Кто бы тогда написал тебе, милая тётушка, если бы я лежала лапками кверху? Но здесь меня не сразу закопали бы. Служители зоопарка сначала попытались бы меня оживить. Впрочем,

я однажды захотела попробовать, как это делается. Когда я узнала, что мимо пойдёт сторож, легла на спину и притворилась мёртвой. Сторож меня сразу подобрал и отнёс в амбулаторию. «Ой, какая красивая уточка», — всплеснула руками бухгалтерша. Я уже собиралась вскочить и сказать «спасибо», но вовремя удержалась и продолжала изображать мёртвую. Потом мне хотели стукнуть по глазу, посмотреть, будет ли он двигаться, но я заранее закрыла глаза. Поэтому они посмотрели мне в клюв и налили туда что-то вкусное. Я не удержалась и проглотила. «Слава богу, жива», — сказали они и стали делать искусственное дыхание. Давили на грудь, тянули за крылья, но я не поддавалась. «Необходима инъекция», — сказал господин директор. Но я не знала, что это, думала, опять накормят чем-то вкусным. Но меня кто-то кольнул; я вскочила, взлетела со стола, начала громко ругаться и, поскольку двери были открыты, выскочила наружу. С тех пор я никому в зоопарке не советую притворяться мёртвым. Я-то надеялась, что в амбулатории меня угостят лимонадом. Нечего сказать, угостили!

В зоопарке прознали, что я ответственный за письма, и вчера мне у входа сказали, будто в канцелярии для меня кое-что есть: какой-то учитель прислал в зоопарк работу одного из своих учени-

ков. Якобы она может быть интересна зоопарку. Вас, возможно, это тоже будет занимать, так что я поместил ученическую работу в эту книжку.

ДОМАШНЕЕ ЗАДАНИЕ. КАК МЫ С КЛАССОМ ХОДИЛИ В ЗООПАРК

Мы были с господином учителем в зоопарке. Как только мы узнали о такой экскурсии, то закричали от радости. Господин учитель сказал, что нас всех давно надо было отправить в зоопарк. Услыхав это, мы ещё больше обрадовались. Больше всех радовался Пепик Зазвора. На радостях он сделал на парте стойку, но упал и не смог пойти в зоопарк, потому что на голове у него выросла огромная синяя шишка и его уложили дома в постель. А господин учитель сказал — даже хорошо, если Зазвора не пойдёт с нами, потому что обезьяны научились бы от него всяким глупостям и их выгнали бы из зоопарка. Мы все очень жалели, что Пепик не пошёл с нами, мы с удовольствием посмотрели бы, как обезьян выгонят из зоопарка.

Я взял бы одну домой и научил её носить из школы домой табель. Мой табель! Не знаю почему, но я обычно радуюсь, когда начинаются каникулы, а когда приношу табель домой, сразу получаю «награду» — порку.

В зоопарке нам тоже очень обрадовались. Сразу у входа один господин приветствовал нас словами: «Только вас здесь и не хватало!» А около обезьян сторож сказал: «Жаль, что у нас все клетки заняты. Мы посадили бы вас в самую большую». Это было бы здорово, потому что тогда нам не пришлось бы делать уроки; а если бы к нам пришли с розгами родители, их не пустили бы и, может, даже захлопнули бы у них перед носом дверь обезьянника, потому что нас никто не имеет права нервировать. Нам очень понравилось в обезьяннике, и вообще мы себя там чувствовали как дома.

Господин учитель потом сказал, что обезьяны очень похожи на людей, а Эву Воронскую, которая всё время ухмыляется и уже красит губы, хотя

ещё совсем не взрослая, это очень обидело. Но мы подумали, что некоторые обезьяны в клетке так сильно кричали, потому что узнали её.

Когда мы насмотрелись на обезьян, все захотели увидеть слонов. Девочки смеялись: «Ой, смотри, у этого нос такой же, как у Слизала». А я бы хотел иметь такой длинный нос. Вот господин учитель удивился бы, если бы увидел, как я пишу носом на доске, а мама опять ругалась бы, увидев, что я, обуваясь, носом держу ботинок. Вчера в школе я пытался носом открыть дверь, но меня за это наказали, и господин учитель хочет вызвать маму в школу.

В зоопарке нам понравилась черепаха, потому что она наверняка не будет возмущаться, если её посадят под домашний арест, — она и так всё время дома, а если идёт гулять, тащит свой домик на себе.

А ещё нам в зоопарке понравилась газировка и мороженое. Франте Закоусу даже плохо стало.

Про мороженое в зоопарке надо рассказать отдельно. Мы пришли к белому медведю и хотели ему что-нибудь дать, хотя это и запрещено. Да он у нас ничего и не просил. Но мы вспомнили, что на плакатах видели нарисованного белого медведя с мороженым. Поскольку я своё мороженое уже съел, то стал подговаривать ребят, чтобы те, кто ещё не съел, бросили мороженое медведю.

Но никто не хотел, и все кричали, что съедят сами. Ну, я сказал — пусть себе едят, а сам сделал вид, будто сосу кусок сахара. А когда ребята стали выпрашивать, откуда у меня сахар, я сказал, что мне его кинул белый медведь. Они тоже захотели, чтобы им медведь бросил хотя бы арахис.

Господин учитель велел нам внимательно смотреть вокруг, потому что наши наблюдения пригодятся нам на уроке природоведения.

Поэтому мы устроили соревнование, кто первый что-нибудь увидит в клетке с фазанами. Но мы не увидели ничего, потому что там были сплошные кусты, за которыми фазаны спрятались.

Только две девчонки кричали, что они выиграли, потому что видели двух больших птиц. Но господин учитель сказал, что это павлины — они свободно разгуливали по крыше фазаньей клетки.

И мы пошли дальше.

Потом мы смеялись над тем, как совы подмигивали нашим девочкам, которые шли мимо них. И хотя господин учитель говорил нам, что совы постоянно подмигивают всем, мы всё равно продолжали дразнить девчонок, особенно Андудку Розцуханову, ту, чьи волосы похожи на конский хвост.

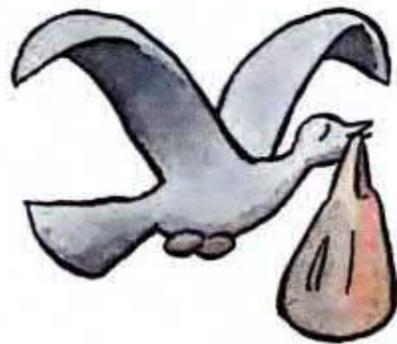
Поход в зоопарк был очень поучительным: мы видели, что здесь уважают ослов и демонстрируют их как совершенно нормальных животных,

и мамы ослов совсем не стесняются того, что их дети — ослы. И господин учитель не придирался к этому животному, хотя в школе делает это постоянно. А когда ослы начали кричать, мы все обрадовались.

Дома мы тоже кричали ослами, и у Плашила получалось лучше всех. А я был вторым.

ГОЛУБЬ ВЕРНУЛСЯ ИЗ АФРИКИ

Что он принёс?

Честное слово, это школьное домашнее задание для голубя не представляет интереса. Ещё начнёт рассказывать, что от животных в клетках он получает более разумные письма, нежели высказывания некоторых людей. Но наш брат этого не любит. Боже мой, если бы я мог прямо сейчас огорошить голубя целой пачкой писем! Только я об этом подумал, как по зоопарку разнёсся крик, доносившийся из большого вольера:

— Голубь, голубь летит! Он несёт почту из Африки! Вот молодчина!

Это кричали грифы. У них ведь очень острое зрение. Они видят так далеко, что нам даже представить себе трудно. И они не ошиблись. Голубь прилетел. Он камнем свалился к ястребам, прямо в жёлоб с кормом. Воробьи и горлицы, которые подкармливались там, испугались. Они подумали,

что что-то упало с неба, и стали кричать: «Помогите! На нас кто-то накинудся!» И в панике поспешили в дирекцию жаловаться. Запыхавшийся голубь тем временем проглотил несколько кусочков, подполз к плошке с водой, утолил жажду и остался лежать на земле. Ай-ай-ай! Будем надеяться, что с ним ничего не случилось. Не дай бог! Вдруг это был его последний полёт? Помоги мне, покровитель всех животных! Что, если мне придётся самому летать с почтой вместо него?!

Но голубь слегка пошевелился.

— За мной гнался ястреб! — выдохнул он. — Но я сумел удрать! Возьми у меня это письмо, — и он подал мне маленькую записочку.

ВЕРБЛЮДАМ ПРАГИ

Не делайте из себя посмешище даже перед кроликами и не пишите нам в Африку всякую ерунду. Мы не так глупы, как вы. Да, мы не выйдем слишком умными, и мы в этом не виноваты, однако мы пробежали с грузами приличную часть

земного шара, и людей, носивших и сбрасывавших со спины свой горб с кучей вещей, мы видели много. Но писать про это не стали бы. Похоже, скоро мы перестанем бегать, у нас слишком много соперников — это автомобили, они в два счёта пересекают пустыню и могут взять гораздо больше груза, чем мы. И они не такие пугливые, да ещё умеют пронзительно гудеть. Тут нам их не переплюнуть.

А вот по-настоящему плевать они не могут. Даже мальчишки так не умеют, как мы.

Да, наши верблюды не могут похвастаться такими успехами, подумал я и поспешил к их загону. Там первым меня приветствовал Гонзик, он уже тянул ко мне свои губы.

— Ну, тебе-то я письмо не отдам. Ты же его съешь ещё до того, как записку увидят твои товарищи, — и я прочитал послание на ухо старой верблюдице.

Но не знаю, поняла ли она меня. Только плюнула метров на десять, побежала вслед за остальными и погрузила голову в сено. Ну а я поспешил обратно к голубю. Он уже несколько пришёл

в себя и складывал в кучку ответы из Африки. Они были краткими. Я их разнёс по клеткам.

ПИСЬМО БЕГЕМОТА ИЗ БОЛОТА

Дорогой Вено, радуйся, что ты живёшь в зоопарке и твоя жизнь спокойна и размеренна. Ты не знаешь, как туго нам приходится. Недавно мы снова вынуждены были переехать. На нас опять напали эти негодяи, они застрелили дядюшку Рихарда — ты его тоже хорошо знал. А вместе с ним прикончили шесть бегемотов из большой семьи госпожи Папулатой. Не знаю, помнишь ли ты её. У неё была большущая пасть, а её детки были размером с тебя. Детками вы каждый вечер играли в пятнашки. Когда мы на закате солнца вылезали из воды и отправлялись на ночь в лес, с вами каждый раз приходилось повозиться. Но в воде именно ты, маленький, вёл себя очень хорошо. Сидел у мамочки на спине, и стоило ей немного высунуться из воды, как ты тут же делал глубокий вдох, который был слышен на берегу. Вот и радуйся своей спокойной жизни и тому, что тебя никто не бьёт. Нам здесь люди устроили настоящий погром. Они пришли не с простыми ружьями. У них были патроны, взрывающиеся прямо в теле. Если они попадали в глаз, нам

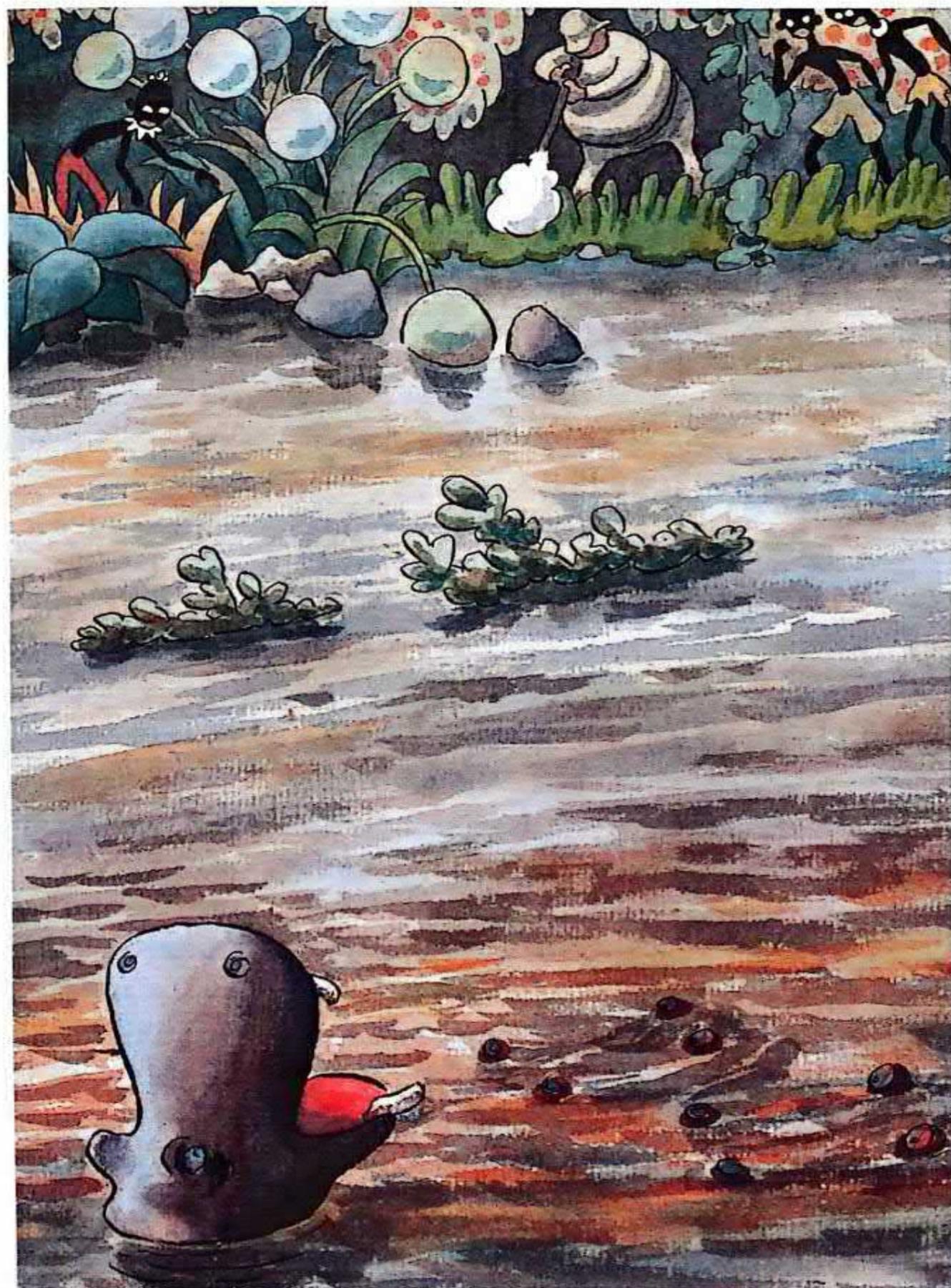
бывало очень плохо. Если же охотники промахивались, мы могли успеть спрятаться, хотя и ревели от боли, потому что у нас очень твёрдые кости. А тот плохой охотник — мазила. Он пришёл к нам и собирался стрелять в бегемотов на глубине. Стрельнул несколько раз в воду, а бедняги бегемоты из последних сил пытались уплыть подальше. Этот горе-охотник сразу послал в воду местных жителей. Сам-то он в воду не полез, боялся крокодилов. Послал местных жителей... А местные... Да чёрт с ними, решил браконьер... Искали, искали бегемотов, но их уже отнесло течением, а крокодилы шли следом за ними.

Мы все тоже уплыли как можно дальше и спрятались под ветвями деревьев у берега. Только изредка высовывали из воды ноздри, чтобы глотнуть воздуха. Ни охотник, ни местные нас не заметили.

Бегемоты, в которых стреляли, недолго оставались в живых, и крокодилы поделились добычей с водяной мелюзгой. Об останках, всплывших наверх, позаботились птицы.

Мы сразу покинули это место, ещё ночью нашли поле, принадлежавшее людям, и там наелись. Нас была целая орда, и что мы не съели, то потоптали. Можешь себе представить, какие ямы там остались после нас.

Правда, потом мы узнали, что эти поля принадлежали тем беднякам, которые как раз не стреляли.

Но откуда же мы могли об этом знать? В следующий раз будем осторожнее. А ты, дружище, будь доволен, что у тебя есть крыша над головой. Береги себя, и если вдруг к тебе придёт кто-нибудь с ружьём, прячься в воду. Вода-то у тебя наверняка есть.

А нас здесь остаётся всё меньше и меньше.

Бегемот прослезился над этой краткой весточкой из дома, спрятал письмо в пасть и тихо погрузился в воду. Я же побежал со следующим письмом в обезьянник.

ОБЕЗЬЯНЫМ ДРУЗЬЯМ В КЛЕТКАХ

Могу точно сказать, что никогда ничто не вызвало здесь такого волнения, как ваше письмо. Все обезьяны хотели его прочитать и вырывали бумагу друг у друга из рук. Целые толпы носились с письмом по лесам, никому не хотели его давать. А когда я однажды повстречал такую толпу и показал им свои острые клыки, все обезьяны разбежались с рёвом и визгом прежде, чем я пустился за ними бежать. А то я им задал бы жару. И письмо осталось лежать на земле.

Вас удивляет, как я узнал, где их встречу? Но для хитрой обезьяны нет ничего сложного. Обезьяны

обычно несутся толпой за своим вожаком по тем же ветвям, по тем же деревьям, по тем же скалам, куда все бежали неделю, две недели, полгода тому назад. Вот я и поджидал их на такой тропе и просто отнял письмо.

Никто из наших даже не знал, что я делаю. Они были очень заняты — спокойно собирали камушки, жучков, червей, пауков, личинок и ели их. Знаете, они решили, раз у них есть вожак и они должны его слушаться, так пусть он их и сторожит. Пусть заботится о них. А когда увидели, что я машу им листком, закричали и помчались ко мне. Глаза вытаращены, ушки на макушке — внимательно слушали, чтобы не пропустить ни словечка. Все дети, висевшие на животах у мамаш, вцепившись в шерсть, получали подзатыльники, как только начинали шуметь. Знаете, наши обезьяны ещё не научились наказывать детей розгами. Это — орудие (брр!), а мы ещё не такие развитые обезьяны, чтобы использовать орудия для наказания детей.

Но когда я читал про разорванную шляпу, слушали даже самые маленькие. Все обезьяны безумно хохотали, просто валялись от смеха, а старая Марталина обещала завтра поиграть с детками: наденет на голову пальмовый лист вместо шляпы и будет изображать эту барышню, а маленькие обезьянки постараются снять с неё

шляпку. Я сам с удовольствием посмотрю на эту игру.

Знаете, а мы завидовали вашим клеткам. Если за вами хорошо ухаживают, если там достаточно места и вам весело, значит, у вас здорово. И всё, что вы съедаете, идёт вам на пользу, чего каждый из нас желает вам от всего сердца; здесь же все завидуют друг другу, даже если удаётся раздобыть хоть кусочек чего-нибудь. Если наши забредут на какое-нибудь поле, то после нас остаётся настоящая пустыня, и хозяин ругает нас на чём свет стоит. Но поздно, ему уже никто не поможет.

Однако, милые, дорогие, я совершил настоящую обезьянью глупость. Как только я дочитал письмо, мне пришла в голову мысль сделать шапку из этой бумаги. Я надвинул её на глаза и — бу-бу-бу! — стал всех пугать. Самки и детёныши с визгом пустились наутёк. Я — за ними, и бежал до тех пор, пока не сообразил, в чём дело. «Не бойтесь, это же я», — хотелось крикнуть мне. И я тут же пощупал голову рукой. Но письма уже не было, только вдалеке я заметил обезьяну, убегающую с вашим письмом в руке. Ну, что ж, теперь письмо прочтут её друзья. Может, это будут обезьяны, которые во время чтения повиснут вниз головой на хвостах, или, если вдруг письмо попадёт к шимпанзе, они сделают гнёзда на деревьях из ветвей, будут там сидеть, отдыхать и слушать.

Возможно, у кого-то получится вам написать. Если у вас дома хватает почтовых голубей, пусть кто-нибудь залетит за письмом.

Интересно, что обезьяны ещё напишут. Если письмо будет толковым, попрошу, чтобы его тоже напечатали в этой книге. Но не знаю, будет ли у голубя время слетать за письмом. А сейчас я побежал к страусам, чтобы им тоже отдать ответ. Вы даже не знаете, как я был рад, что мог принести этим двум грустным птицам послание, которое им написал один страус из Африки.

СТРАУСАМ-МОГИКАНАМ

Как хорошо, что я могу вам написать. Люди оставляют нам всё меньше и меньше пространства, и поэтому было бы неплохо отправиться отсюда куда-нибудь в другое место.

Кстати, вам не нужен высококлассный футболист номер одиннадцать? Мы, как известно, не умеем летать, зато ноги у нас что надо: мы классно бегаем, нас ни один человек не догонит. Но мы должны быть очень осмотрительны, чтобы никому не причинить зла, ведь одним пинком, говорят, мы можем даже убить человека. Зато по воротам мы способны залепить такой пушечный удар мячом, что вратарь улетит вместе с сеткой, да ещё и захватит с собой всех мальчишек, стоявших за воротами. Так что, если захотите, я для вас найду подходящий одиннадцатый номер. Для этого мне, конечно, пришлось бы сбегать к друзьям — мы ведь одиночки, — но километр-другой в ту или иную сторону для меня значения не имеет.

Мы здесь редко используем свои способности. Так, изредка пинаем друг друга, когда идём свататься, — такая у нас традиция. Люди за это нас осуждают, пишут об этом в книгах, а сами ничем не лучше. Нам вообще приходится убегать от людей! Они, правда, иногда нас догоняют, но только на лошадях. Вот тогда — прощайте, наши великолепные перья!

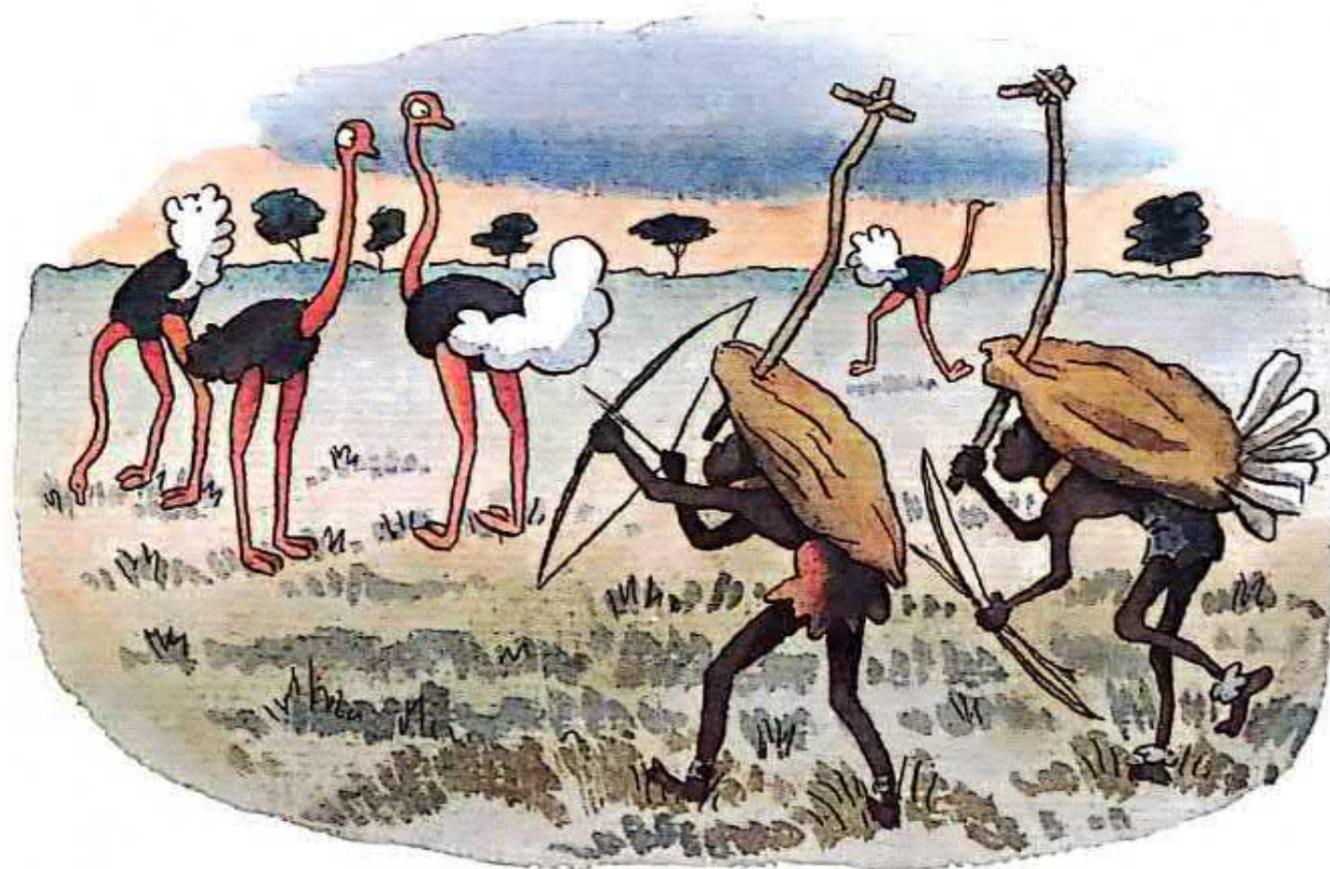
Вырывают всё, что могут. Оказывается, страусиные перья всё ещё пользуются спросом. Раньше их носили на шляпах, цепляли на шею, и теперь их тоже ищут. Охотники иногда вырывают у нас перья прямо с кожей, но некоторые из них думают, что, не вырывая, а отстригая их у самой кожи, оказывают нам большую услугу. Пережить, конечно, всё можно. Гораздо хуже, когда местные жители охотятся на нас с луком... Эти, извините, болваны надевают лохматую одежду и думают, что выглядят как страусы. В одной руке они держат палку с набалдашником — это как бы шея страуса с головой, в другой руке — лук. Знаете, среди страусов тоже встречаются глупцы, которые считают, что это их собрат идёт к ним

в гости. Охотник двигается так, будто встряхивает крыльями, крутит палкой, словно страус вертит головой. Приблизившись к какой-нибудь доверчивой птице, вдруг — рраз! — и выстрелит из лука, а облапошенный страус лежит кверху лапками.

Если бы мы могли от охотников спрятаться! А ведь мы здорово умеем это делать, но только когда высиживаем яйца. Мы прижимаемся к гнезду, голову и шею вытягиваем перед собой, так что человек, идущий мимо, не понимает, что этот холмик на земле — страус.

Но люди не хотят постоянно за нами бегать, поэтому некоторые из них разводят страусов на ферме, чтобы не ходить далеко за их перьями. Но хозяева должны следить за их вкусовыми предпочтениями. У страусов совершенно особенные желудки. Это означает, что мы способны склевать всё что угодно. Поэтому страуса надо держать подальше от людского жилища. Тем более что в Африке окна практически не закрываются. Страус то будильник проглотит, то пресс-папье со стола стянет, а где-то из дома клещи исчезнут. Потому что страусы совсем не задумываются о том, что проглоченные предметы несъедобны.

А однажды тут такое приключилось!.. У одного хозяина фермы был чернокожий слуга, чья одежда уже изрядно обветшала. Хозяин однажды

сказал, что хотел бы посмотреть на самого старого страуса, которого уже давно не видел. Почему он не бегаёт, почему не высовывает свою голову через ограду? Хозяин со слугой отправились посмотреть и нашли страуса мёртвым. Что с ним было делать? Выбросить? Но если вдруг кто-нибудь захочет на него посмотреть, пусть посмотрит. Страуса разделали. Чёрный слуга вскрыл желудок. Каково же было его удивление, когда он обнаружил там ботинки, рубашку, брюки, ремень и другие вещи. Достаточно было постирать найденную одежду, и у слуги появился гардероб,

который хозяин никогда ему не справил бы. В желудке также оказались карманный нож, кошелек с деньгами и маленький топорик. Слуга принёс домой ещё много вещей. Словом, всё, что у страуса находилось в желудке.

Спасибо вам за письмо. Мы сразу после прочтения его проглотили. Всё было хорошо, и никакой тяжести в желудке. В следующий раз можете послать больше писем, мы устроим званый ужин.

К НАМ ЭТО НЕ ОТНОСИТСЯ

ПРОСИМ СОВЕТА У ЧИТАТЕЛЕЙ

Послушайте, мои дорогие, я не знаю, что мне делать с одним письмом, которое я только что получил. В зоопарке овцы всегда с такой надеждой смотрели на меня, когда я шёл мимо, и блеяли. Особенно одна из них, когда я однажды остановился у её загона. «Что, овечка, ты уже получила свою порцию?» — спросил я её. Но она, к моему удивлению, подала мне письмо. Мол, если возможно, хотелось бы передать это её тётушке.

И что с ним делать? Прочитайте, пожалуйста, может, посоветуете, как поступить.

ЧТО МНЕ ПРИСНИЛОСЬ

Милая тётушка, я до сих пор дрожу, ты не представляешь, как мне плохо. Старая верблюдица, проживающая рядом, спросила, что со мной

случилось, почему я такая бледная? Не собираются ли меня стричь или ещё что-нибудь похуже? Этого нельзя допустить, ведь я здесь не для того, чтобы меня стригли. Я ей так сразу и сказала: выгоню любого, кто на это решится. Собственно, я так не сказала, потому что она не поверила бы. Знаешь, у меня всё-таки не такой характер, чтобы кого-либо выгонять. Но я так думала. Однако верблюдница по моему виду догадалась, поскольку сразу задвигала губами, как бы говоря: «Ну и дела! Ну и дела!», и тут же ушла.

Я промолчала, а тебе вот решила написать, какой мне ночью приснился страшный сон. Началось всё хорошо. Стою я у забора и вдруг вижу, что ко мне идут школьники. И такая вокруг идиллия — один сосёт конфеты, другой жуёт шоколад, кто-то — рахат-лукум, а кое-кто — карамельки от кашля. А одна девочка грызла резиновую змею. Меня будто молнией ударило, потому что змея подмигнула мне своим глазком и говорит: «Эллина,пусти меня,я этой овце кое-что скажу». Змея скользнула на землю — и прямо ко мне.

Тётя, это было так неожиданно. Я пускаюсь бегом, чтобы спрятаться за спиной у нашего барана. И — о ужас! — на голове у барана вместо рогов торчат скрученные змеи. Хочу спрятаться в нашем сарае, но вместо сарая там стоит большой медведь. Он скалит на меня зубы и спрашивает:

«А знаешь ли ты, сколько людей пришло сегодня в зоопарк? Если не знаешь, то я тебя съем». Откуда же я могла знать, я ведь не в кассе сижу! Но в голову мне пришла счастливая мысль, и я ответила, что спрошу в администрации. «Ну хорошо, я тебя здесь подожду», — пообещал он. И я пошла к кассе. «Скажите, пожалуйста, сколько людей сегодня...» — но продолжить я не смогла. Вместо девушки-кассирши там сидел медведь и улыбался мне. «Ну, госпожа овца, — говорит он мне, — быстро берите билет. Билет стоит три кроны, но вам я продам дешевле, за пять!»

Я совершенно запуталась, даже сосчитать ничего не сумела, только испугалась, потому что у меня совсем нет денег. Медведь меня схватил и говорит: «Овечка, встряхнись!» И стал меня трясти. Я не знаю, может, он думал, что из меня, как в сказке, посыплется дукаты.

Вдруг бряк — на землю упал нож. Ты же знаешь, что я всего боюсь. Но всё-таки подняла нож и, заикаясь, говорю: «Господин медведь, это не моё. У меня никогда ножа не было. Наверное, это ваш ножик. Здесь...» А он как увидел нож, испугался и побежал в зоопарк. Я с ножом — за ним.

Меня увидели служители. «Помогите, помогите, овца бросается на нас с ножом!» — кричали они. Да разве я могу?! Мне и в голову не могло прийти на кого-то бросаться с ножом. Я хотела отдать

нож хотя бы господину директору и закричала: «Где господин директор?» А они ещё больше испугались и опять стали кричать: «Она хочет зарезать господина директора! Скорее зовите пожарных!» И я услышала, как воет пожарная сирена. А я не хотела выбрасывать нож и снова закричала: «Где господин директор? Приведите его сюда!» Но пожарные уже приехали и стали меня поливать.

Брр, меня до сих пор трясёт, когда я об этом вспоминаю. Тут я проснулась. Лежала на улице вся мокрая. Шёл сильный дождь.

Я стала искать нож, чтобы всё же отдать его. Ты же знаешь, какая я щепетильная. Но ножа не было, он мне только приснился.

Вернувшись в сарай, я увидела, что у нашего барана на голове нет никаких змей, а обычные рога, как всегда. Вот я тебе об этом пишу и не знаю, должна ли я извиниться перед господином директором за то, что я так кричала на весь зоопарк. Посоветуй мне, пожалуйста.

Я спрашивала у нашего барана, но он сказал, что я глупая овца и должна выбросить это из головы. Но у меня в голове ничего такого нет, я точно знаю. Баран тоже мог бы догадаться.

Пожалуйста, напиши поскорее, что мне делать. Адрес у тебя есть.

Твоя Овечка

Нет, это письмо я никуда не понесу. Во-первых, тётю овцы я не знаю, и голубь тоже не знает. И вообще, зачем напрасно пугать родственницу? Тётушка станет спрашивать, что с бедняжкой случилось, и обязательно захочет её навестить. А в воротах тётушку овцу остановят и не пустят в зоопарк. Овец там достаточно, зачем персоналу ещё один едок? Да и не станешь же всем объяснять, что овца эта к нам не относится, она не наша, просто пришла в гости, потому что кому-то что-то приснилось.

СНОВА В АФРИКУ

ГОЛУБЬ СЕРДИТСЯ

Мне было немного неловко.

— Ещё письма в Африку? — спросил с ухмылкой голубь. — А раньше ты не мог их принести? Из-за тебя я теперь должен лететь в Африку второй раз!

Ну, что я мог сделать? Только пожать плечами.

— Извини, голубь, раньше я не мог взять эти письма. Посмотри, надо ли их вообще отправлять.

И я выложил перед голубем три таких письма. Первое было от наших зебр.

СТАДАМ, ПОДНИМАЮЩИМ АФРИКАНСКУЮ ПЫЛЬ

Я уже почти не помню, как выглядит Африка, мне прабабушка рассказывала. Все прабабушкины потомки родились в зоопарке, а мы уже привыкли спать в стаде и видеть весь наш загон, где

мы бегаем. В общем и целом здесь мы себя чувствуем неплохо, нас хорошо кормят. Но всё-таки хочу пожаловаться своим подружкам. Одна вещь мне тут кажется странной. Я даже стесняюсь об этом писать. Некоторые животные совсем не стыдятся показываться совершенно голыми. Одни черепахи в этом отношении ведут себя прилично. Они всегда одеты и ни за что не показались бы посетителям без панциря, даже если бы кто-нибудь очень попросил.

Я думаю, что мы выгладим более пристойно и красиво. Мы уже рождаемся в полосатых пижамах и с самого рождения хорошо одеты. Посмотрите на нашего Пепичка: он бежит к ограде, когда его зовут дети, и может показаться любому. Если бы его пригласили в приличное общество, ему даже не пришлось бы искать воротничок, он мог бы идти сразу, не переодеваясь, потому что всегда одет.

Да, мы не стесняемся. Мы не такие бесстыдники, как, например, лошади Пржевальского, которые живут по соседству. Они выглядят — какой стыд! — так, будто только что сняли трусы. А иногда — и это ужасно! — кое-кто даже

раздевается перед зрителями — змеи, например. При этом в зоопарке никому даже в голову не приходит на террариум повесить объявление: «Закрыто. Змеи переодеваются. Мы заказали им новую одежду. Откроем, как только все оденутся».

Есть в зоопарке, например, лохматые животные, такие как медведь или муравьед, а ещё броненосцы, которые, свернувшись калачиком, могут целиком спрятаться под панцирем. Но мне не хотелось бы сворачиваться в клубок. Я могу бегать не сворачиваясь. Поэтому считаю, что моя одежда более современна, а главное, она гораздо легче.

Так что, пожалуйста, если какая-нибудь зебра соберётся к нам, скажите, чтобы ни в коем случае не забыла свой полосатый костюм! Сюда приходит много детей, и они не должны смотреть на всяких там бесстыдников! И ещё. Перед отъездом сюда советую как следует набегаться, потому что здесь это не получится. Здесь не любят, чтобы кто-нибудь бегал, бегал, да и выбежал наружу. Некоторых в зоопарке держат за решёткой, например львов и тигров. Было бы очень смешно, если бы такие силачи выбежали наружу. Представьте себе, что на остановке вместе с вами ждёт трамвая или автобуса тигр. Дети сразу стали бы совать ему всякие лакомства, кондуктор — билетик, а бабушки и дедушки разбежались бы с криками: «Помогите, помогите!»

У некоторых здесь нет решёток. Их территорию лишь обносят деревянным забором, как нашу. Но кое-кого, например птиц, это вполне устраивает. Они находятся за низкой оградой, и им из одного крыла просто выстригают длинные маховые перья, да ещё приговаривают: «Летай, дружок. Помашешь, помашешь крыльями и увидишь, что ничего не получится». Поэтому гуси, журавли, аисты только ходят за своим низким забором и пробуют летать. Иногда помашут крыльями, как бы собираясь взлететь, но только привстанут на цыпочки. Крылья их не поднимают.

Будем рады получить от вас письмо. Нас в зоопарке много. У каждой зебры свои полоски и в соответствии с полосками своя табличка с именем. Когда от вас придёт письмо, мы о нём друг другу сразу расскажем.

— Она слишком много о себе понимает! — нахмурился голубь. — Мне всегда казалось, что зебра уж слишком задирает нос. Наверняка думает, что во всём зоопарке она самая красивая. Могу поклясться перьями. Впрочем, пусть думает что хочет, но только не кусает людей за пальцы. Зубы у неё для сена, для хлеба, для фруктов, но не для человеческих пальцев. Иначе люди будут её бояться.

— Думаю, что лев лучше, — заметил я нерешительно и предложил голубю письмо львов, подсунув при этом ещё и послание от жирафов.

— Вот черти! — проворчал голубь и начал читать.

ЛЬВАМ И ЛЬВИЦАМ

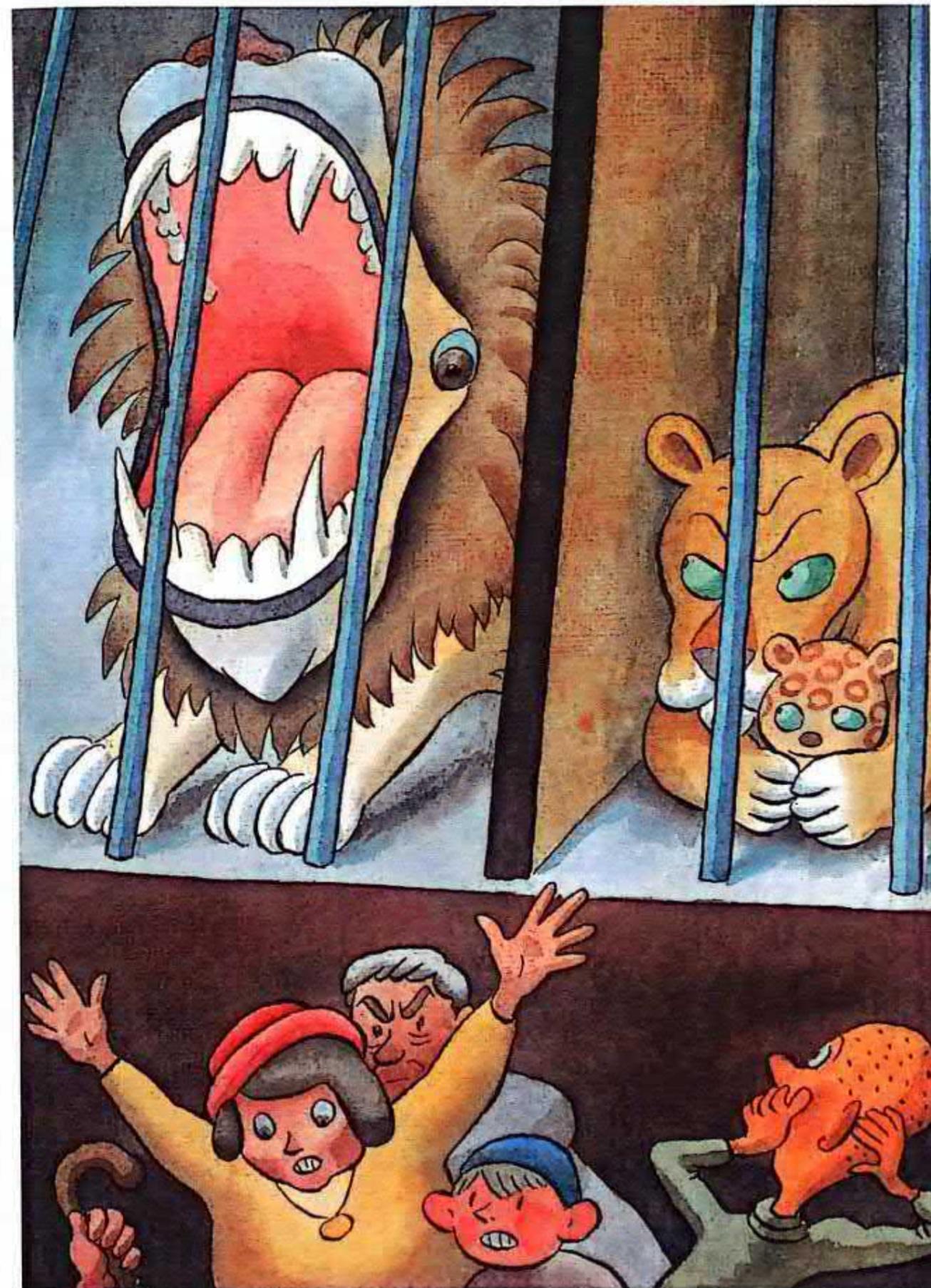
Пишу тем, кто бегают по Африке, тем, у кого порой пустое брюхо, тем, кто охотится на антилоп и зебр или совершает набеги на людские владения за телятами. Да, дорогие друзья, мы уже почти не представляем себе, как можно бегать по пустыне, но зато хорошо знаем, каково бегать в зоопарке, потому что здесь мы стали почти домашними животными. А к тому, как наши потомки будут жить в зоопарке, я хотел бы всё-таки подготовить своего сына. Знаете, сейчас ему

очень немного видно сквозь решётку. Он ещё маленький и прячется за свою маму, а она каждую минуту облизывает его со всех сторон, чтобы детёныш оставался чистым и блестел, как вычищенный ботинок.

«Людвичек (это в зоопарке ему дали такое глупое имя, я не виноват), играй, играй, вырастешь — будешь сильным львом». И Людвичек совсем скоро начнёт с удовольствием играть. Пока он таскает маму за уши, гоняется за её хвостом, а люди за решёткой улыбаются. Но слишком громко смеяться нельзя, потому что Людвичек пугается взрывов смеха и сразу прячется за маму. И потом мне приходится спасать положение. Я начинаю раздражённо ходить по клетке, наклоняю голову и демонстрирую посетителям львиный рык. Люди испуганно разбегаются, боясь выдохнуть, а я в это время играю напряжённое и бурное представление с ревушим львом в главной роли и довожу его до конца. Начинаю я мирно: «Гуу! Гуу!» Вроде бы не сержусь. А потом начинаю всё прибавлять и прибавлять. Затем уже реву изо всех сил, да так, что трясётся весь павильон вместе с крышей, а львы и тигры растерянно бегают в своих клетках. Некоторые люди даже уши затыкают, а дети начинают плакать, и все ужасно боятся. Тем временем Людвичек, осмелев, вылезает вперёд и пробует реветь сам. Но его

рёв похож на повизгивание, словно он оцарапал язык. Люди сразу оживляются, перестают бояться, улыбаются и подходят ближе к клеткам.

Вот подрастёшь, сынок, и будет у тебя голос, как гром. Тебя поместят в специальную клетку вместе с другими детёнышами львов, ты уже не сможешь находиться с мамой, потому что она будет ждать следующего львёнка. Тебе, конечно, станет грустно. Но ты начнёшь кувыркать со своими ровесниками, такими же шалунами, как и ты. Люди будут, глядя на вас, недоумевать: «И это будущие цари зверей? Такие милые котята?» А ты будешь расти, становиться всё сильнее, показывать зубы и когти, и только одной вещи будешь бояться — метлы. Как и я когда-то боялся. Когда к вам приходит служитель зоопарка, чтобы вычистить клетку, вы говорите себе: «Ага, человек! Теперь он в моей власти. Посмотрим, мягкое ли у него мясо, или он годится быть лишь мячом для игры». Вы уже ощериваетесь, показывая свои молодые и крепкие зубы, сжимаетесь для прыжка, и вдруг служитель направляет на вас метлу. «Гуууу!» Это такое ужасное создание, со множеством рук! А как оно страшно шуршит, как быстро перемещается по земле! Вы испугаетесь и забьётесь в дальний угол. А служителю только того и надо. Вы там от страха жмётесь друг к другу, а он в это время спокойно подметает вашу

клетку. Потом загоняет вас в другой угол, чтобы подмести в других местах. Но служителя с метлой мы не будем бояться постоянно. Однажды мы ему покажем! Отнимем метлу, поломаем её на тысячу кусочков. Я помогу. Пусть знает, что я царь зверей и не боюсь какой-то там метлы. Но завтра я этого ещё не сделаю. Может, и всю неделю не сделаю. А потом, потом... вот увидите! Они уже больше не придут к нам с метлой.

Но во время кормления, дорогой сынок, всё будет хорошо. Каждому из вас принесут его порцию и будут следить, чтобы каждый съел только свой кусок мяса. Так что не вздумай меня опозорить и плохо есть! Потому что лев, который не ест как лев, не совсем в порядке. Значит, этого молодого льва отведут к доктору, который с ним будет работать. А ты ведь хочешь быть сильным как лев. Врача не бойся. Даже ветеринара. Просто сожри его, и всё. Подожди только, пока он скажет, чтобы ты открыл пасть и высунул язык. Потом быстро сделай это, и ветеринара не станет.

А когда ты станешь взрослым и очень сильным, может быть, тебя куда-нибудь отправят — близко или далеко. Недавно опять выбирали молодых львов. Служители зоопарка им почти завидовали. «Повезло вам, ребята, — говорили они. — Вас самолётом отвезут в Индонезию». Их мама просто не могла поверить, что её дети попадут

в эту страну. «По дороге вылизите как следует шерсть, — наставляла она потомков, — чтобы она блестела. Не опозорьте меня, безобразники!»

Знаете, мы должны следить за собой. Потому что лев, который не следит за собой и плохо ест, окажется в цирке. Там его научат слушаться бича. Там уже не будет такой большой клетки, как здесь. Так-то! Там, если идёт представление, лев не может вечером лечь спать. Там придётся зарабатывать на себя и на хозяина!

Посмотри, сынок, на своего папу и бери с него пример. Когда он был молодым... (Прошу прощения, но не очень хочется рассказывать здесь, сколько раз мама шлёпала меня, когда я был таким же, как ты. Это к делу не относится, но мама наказывала меня справедливо. Было, разумеется, немного больно, но зато посмотрите, каким я стал теперь.) Короче говоря, папа теперь является украшением зоопарка.

ДЛИННЫМ ПЯТНИСТЫМ ШЕЯМ

Вам, жирафам, не так легко написать. Когда я с мужем нахожусь снаружи, посетители не спускают с нас глаз, а когда я в павильоне, там для нас не так много места. Поэтому письмо мне пришлось писать урывками, когда шёл дождь или было

мало посетителей. Я прятала письмо под крышей. И должна сказать, что радуюсь тому, что имею эту крышу над головой, а иногда и спокойную минутку. Ах, с каким трудом мы сюда добирались... Из Африки меня машиной привезли на пароход, где было очень тесно. Хорошо ещё, что на море нет туннелей и не пришлось нагибаться. Зато уже рано утром меня разбудил гомон попугаев, мычание буйволов, блеяние антилоп, верещание обезьян, поскольку из Африки в Европу везли партию животных. Несколько раз я пыталась на них прикрикнуть, но разве мой голос мог кто-нибудь услышать? Видимо, все считали меня немой и во всю глотку орали где-то у моих ног. Хорошо, что я такая длинная. Впервые я видела восход солнца и в последний раз — его закат. И когда волны стали перекатываться через палубу, водой мне омывало только копыта, зато все другие животные пускали пузыри.

Мы отдышались только после того, как нас вывели на огромный причал. Его называли Антверпен, и кораблей там было как песку в пустыне. А когда корабли начали гудеть, мы даже испугались; потом они стали дымить, и мы так расчихались, как в Африке никогда не чихали.

Нас доставили в зоопарк, где было полно обезьян, газелей, где мычали быки, а среди них тянули шеи три жирафа. Мы быстро подружились.

Они подвели меня к стойлу и показали тюки сена. «Видишь, это нам в дорогу. Нас продали в другой зоопарк». Через два дня жирафов увели.

Я осталась одна, но ненадолго. Ко мне привели другого жирафа, крупнее меня. «Это твой муж. Будь с ним поласковее. Скоро и вас отправят в чужие края». Ну, я была с ним ласкова. Должна была быть ласкова, потому что такой муж вполне

этого заслуживал. Он мне ни слова не сказал. Ни разу не произнёс ни звука, даже когда был крайне рассержен. Очень хороший муж. Короче говоря, как настоящий жираф, он не был болтлив. Ну а когда мы уже привыкли друг к другу, нас вдруг разделили. Нам, конечно, не хотелось расставаться, но мы поняли, что это неспроста. Каждого из нас загнали в отдельный высокий ящик, из которого торчала только голова. Мы даже в знак протеста шумели и топали ногами. Везли нас окольными путями, мы ехали дорогами, где не было никаких туннелей. Так мы добрались до Праги. Но не бесплатно, конечно. Вместо нас в Антверпен повезли лошадей Пржевальского. Это очень редкие животные, которые мало где встречаются, а в Праге их целое стадо.

Как нам живётся в Праге? Неплохо. Места много. Люди к нам ни в загон, ни в стойло особо не ходят, а главное, не приближаются и остаются на безопасном расстоянии. Мы не умеем рассчитывать силу удара копытом, не можем ударить слегка, так что смельчакам грозит больница. Нас, однако, огорчает, что всё вокруг очень медленно растёт. Каждую минуту мы склоняемся через ограду, но кусты никак не становятся выше. Мы не прочь объесть только верхушки, хотя бы маленькие веточки. Знаете, как мы это делаем: вытягиваем свой язык, очень длинный язык, обра-

чиваем его вокруг веточки — и хрусть... Иногда её удаётся отломить, а иногда язык — раз! — и соскальзывает. Тогда уж мало радости. Если бы сотрудники зоопарка не наполняли ясли вкусными ветками, было бы совсем плохо. Потому что сено или трава — гм! — это такая обычная еда, а мы привыкли к «возвышенной», любим есть то, что растёт высоко. Надеемся, что скоро над нами будет летать множество космонавтов. Может, кто-то из них догадается взять что-нибудь для нас. Мы уж до подарка дотянулись бы. Половины дерева вполне хватит. За день мы его обглодали бы, а на другой день прилетел бы следующий.

Голубь взял письмо и готов был лететь, но не преминул в очередной раз поворчать по поводу почты в Африку. Как можно её доставить? Он даже не представлял, что писем будет так много. Однако дорогу он уже знал, так что вернулся очень быстро.

ГОВОРЯТ, ЛЕТИМ В АВСТРАЛИЮ

С БОЛЬШОЙ ПРОГРАММОЙ

Правда? Без шуток? Честное слово, я уже думал, что бедняги кенгуру этого не дождутся. Но он летит! Надо бы как-то отметить такое событие. Приготовить хотя бы шипучку. Я удивлён, что голубь отважился на такой путь. Боже мой, это ведь такая даль! Вы только посмотрите на карту! Австралия находится на другой стороне земного шара. Но голубь — молодец. Он способен на многое, и если уж задумал сделать что-то хорошее, то никакие трудности его не остановят. Ты, голубь, настоящий друг. Вот обрадуются в Австралии! Но путь будет нелёгким.

Голубь действительно очень хорошо подготовился, не отлынивал. Он тренировался почти месяц с помощью радио, тренировался на аэродроме, даже — правда, не знаю, зачем —

присматривался к школе водолазов, прошёл курс голодания. В самом деле, где мы нашли бы такого ответственного курьера?

Наконец в один прекрасный день он явился за письмами. «Знаешь что? Давай мне всё, что надо послать. По дороге передам». И я отдал.

ДОРОГИЕ КЕНГУРУШКИ-ПОСКАКУШКИ!

Вы даже не представляете, сколько раз мы стояли у ограды и поджидали, когда вам будут отправлять почту. Невозможно сосчитать, сколько раз мы вам писали, а написанное прятали в сено. Потом мы искали письма, чтобы отправить, но служащие зоопарка понятия не имели о наших посланиях. Они просто выбрасывали старое сено, а вместе с ним и наши письма. И нам опять всем вместе приходилось сочинять новое письмо о том, что мы с радостью увиделись бы с вами и поболтали.

А теперь мы очень заняты. Не знаем, как отнестись к тому, что приключилось с кенгуру Маб. Она приехала к нам прямо из Австралии, и у неё полно забот. У неё скоро должен родиться малыш. Она сказала, что должна навести порядок в своей сумке на брюшке. Чистила там, выбрасывала ненужное и вдруг нащупала бумажку, на которой

было что-то написано. Она растерялась. Мы бросились к ней, взяли бумажку, и вот что мы прочитали:

«Пишу, пишу и не знаю кому.

Хочу сообщить, что нас становится всё меньше и меньше. Здесь, в Австралии, никого из наших уже нет далеко вокруг; а у вас, кенгуру, длинные ноги, и, возможно, вы ещё сможете найти кого-нибудь из наших. Я даже не знаю точно, как мы, собственно, называемся. Мы с женой здесь совершенно одни. У неё сейчас как раз два яичка (прошу обратить внимание: при этом мы вовсе не птицы, мы бегаем на четырёх ногах), и совсем скоро из них вылупятся два младенца. Мы боимся, что нашим детям не с кем будет играть, когда они родятся. Ну и жена, конечно, с удовольствием

с кем-нибудь поболтала, но не с кем. И поэтому мы очень просим, если вы встретите кого-то из наших, передайте, чтобы они нас навестили, тогда нам не будет так одиноко. Мы немного странные животные. Величиной с кролика, плаваем в воде, но и в траве с удовольствием возимся. Хвост у нас плоский и короткий, да к тому же — за что нам очень стыдно — вместо носа у нас клюв, как у уток. Но вы, пожалуйста, об этом никому не говорите. Ни у кого из четвероногих ничего подобного нет, и те, кто нас не знает, могут над нами и посмеяться. Мы ковыряемся этим клювом в грязи и вылавливаем там всякие лакомства, которые никто другой для нас не найдёт. Ни в одном зоопарке нас не смогли прилично накормить. Может, в воде вы встретите наших друзей? Если они при виде вас испугаются и нырнут, вы их не ждите, поскольку под водой у них имеется вход в своё логово. Они забираются в сухую нору и уже не показываются вплоть до следующей ночи. Видите ли, наши друзья в основном существа ночные, как говорится. Днём мы спим. Если вы не знаете, кто мы такие, спросите детей, которые изучают животный мир Австралии. Мы своё название уже давно забыли».

«Господи, кто тебе это дал?» — спросили мы у изумлённой кенгуру. Но голова у неё, видимо,

заколочена досками: «Я уже не помню... — заламывала она передние лапки, — может... что мне теперь с этим делать?» — сокрушалась кенгуру. «Выбросить письмо никак невозможно, — решили мы. — Ни в коем случае! Необходимо всё же отдать послание кому-нибудь в Австралии!» Но бедная кенгуру не знала, как поступить. Вспомнить она ничего не могла. Кто вручил ей письмо? Мы, однако, пробовали её привести в чувство. Стучали по голове передними лапками, но она так и не вспомнила. Ну и что теперь с этим делать? Пусть в Австралии всё-таки прочтут послание, и кто-нибудь наверняка вспомнит, какое животное могло это написать. Тут у нас утиный клюв имеют только утки, а яйца откладывают только птицы и ещё те, кого называют пресмыкающимися, — змеи, ящерицы и черепахи. Здесь среди животных никто об этом доподлинно не знает.

Нашей кенгуру дал письмо кто-то из Австралии, чтобы его передать, а она, бедняга, из-за навалившихся на неё забот обо всём забыла. Теперь мы не будем её нервировать. Ведь у неё скоро родится младенец, а у кенгуру это не так просто. На свет появится беспомощная

кроха, которая даже не в состоянии сосать молоко. Поэтому его мама, как только он родится, съёт его в свой мешок на брюшке, прикладывает к соску, и новорождённый, присосавшись, не отпускает его до тех пор, пока немного не подрастёт, не поумнеет и не научится шалить. Потом у нашей ограды будет собираться толпа людей и таращить глаза: «Ой, смотрите, у кенгуру из кармана на животе торчит маленький кенгурёнок», — будут они громко удивляться, когда шалун высунет голову.

Мы желаем вам всего хорошего в вашей Австралии! Вряд ли отсюда мы к вам попадём. Ускакать мы можем довольно далеко, еду на дорогу могли бы сложить в карманы на животе, но нас разделяет море. Мы уже неоднократно подавали в дирекцию заявку, чтобы нас научили плавать, но пока тренер по плаванию к нам не приходил. Может, кто-нибудь из школьников согласился бы. Думаем, он справился бы, а мы готовы его слушаться.

— Я знаю! — воскликнул я. — Это животное с утиным клювом называется...

Но голубь жестом остановил меня:

— Тсс! Мы не скажем об этом кенгуру. Пусть они всё-таки постараются найти того, кто писал письмо. Ребятам мы тоже не станем раскрывать секрет. Они наверняка знают это животное.

А кенгуру пусть немного поломают голову! Покажи, что там у тебя ещё?

Я подал голубю письмо от калонгов и рассказ одного бедняги со страшными рогами.

ДОРОГИМ НАШИМ ПЛАНЕРИСТАМ

«Поднимите-ка голову», — часто просит нас служитель зоопарка, чем всегда отравляет нам жизнь. Как будто не знает, что мы не можем, поскольку с утра до вечера висим на одной ноге вниз головой, и с вечера до утра, и всю ночь тоже. И это как раз самое худшее. Мы с удовольствием ночью полетали бы. Не стали бы летать лишь по зоопарку. Мы облетели бы часть мира, слетали бы куда-нибудь за грушами или за яблоками, а к вечеру опять вернулись и, зацепившись ножкой за ветку, снова повисли бы на дереве и спали целый день с утра до самого вечера. А я не могу решиться хоть немного полетать, потому что разобьюсь о решётку. Вот я и продолжаю день и ночь висеть в зоопарке. У меня от этого уже болят перепонки, а что делать? К тому же тут ходят люди и говорят: «Посмотрите на этого калонга. Он целый день спит. Зря только деньги потратили. Тут и смотреть-то не на что». Но раз я ночное животное, не стану же я днём фокусничать

перед людьми! Разве детям в школе не говорили, что днём мы должны спать? И вообще я с удовольствием кутаюсь в свои перепонки, потому мне всегда здесь холодно, несмотря на то, что людям жарко. Я при этом закрываю глаза и хоть на минутку представляю себе, что я в наших жарких краях и на следующую ночь целая туча моих собратьев потянется куда-нибудь на остров обглодать весь урожай в садах.

У КОЗЕРОГА ТРУДНОСТИ С РОГАМИ

Здесь в зоопарке мне нравится тот, кто за мной ухаживает. Когда он приходит с едой, я на минуточку с удовольствием просыпаюсь. Обычно служитель приносит нам фрукты, сладкий рис, пудинг и компот. Я хотя бы наедаюсь. Иногда служитель зоопарка может нас даже приласкать. Ему мы это позволяем, но беда, если к нам прикоснётся кто-нибудь другой. Хотя наши зубы годятся только для фруктов, но цапнуть ими кого-нибудь из посетителей мы вполне способны.

К счастью, людям до нас не дотянуться, а нам до них тоже. Вот и висим тут, как сталактиты в пещере, и злимся, когда люди слишком шумят у нашей клетки. Тогда мы укутываем голову ещё плотнее, чтобы нас не будили, и можем проспать целый день, как привыкли.

Многие школьники нам завидуют, что мы спим днём. Мечтают поменяться с нами местами. Мы бы с удовольствием: пусть ребята поспали бы денёк в нашей клетке. Не знаю, правда, смогли бы они провисеть с утра до вечера на одной ноге.

P.S. Нас ещё называют «летающими собаками». Якобы у нас головы как у собак. А как называют нашего брата в пражском зоопарке?

«А везде ли я побывал? — вдруг подумал я. — Может, в самом конце зоопарка есть ещё кто-то, кто захотел бы написать». Только я остановился и сделал пару шагов, как меня сзади кто-то окликнул: «Эй!» Собственно, не сзади, а откуда-то сверху. На скале, прилепившись к высокой, почти отвесной стене, стоял козерог. Он был вынужден постоянно вертеть головой, потому что его длинные закрученные рога ему мешали, куда бы он ни повернулся. Потом он вдруг отлепился от стены и прыгнул ко мне.

— Вы будете писать в Сибирь? Пожалуйста, очень вас прошу, пусть кто-нибудь спросит у местных, что мне делать с рогами. Я — настоящий горемыка. Посмотрите, как мне приходится изворачиваться, если я хочу вздремнуть! — И козерог тут же продемонстрировал, как. Думаете, он мог лечь на бок, как делают многие животные, собираясь отдохнуть? Или положить голову на лапы перед собой, как это делают, например, собаки? Ошибаетесь. Козерог обычно упирается лбом в землю! Но здесь его лоб упёрся в скалу, в острые камни; его роскошные рога не могли никуда воткнуться. Из-за этих проклятых длиннющих закрученных рогов он никак не мог

устроиться, чтобы отдохнуть, — не знал, куда девать рога, куда их положить. В любом положении голова козла просто висела на рогах, болтаясь в воздухе. Ведь из-за этих несчастных рогов он не мог достать головой до земли.

— Но это ещё не самое страшное, — продолжал козерог. — Представьте себе, что из-за рогов меня козы боятся. Называют меня рогатым страшилищем и бегут от меня по скалам сломя голову. А я боюсь, что они свалятся и поломают себе кости, поэтому сам бегаю за ними по скалам, сбивая копыта, и уговариваю, чтобы они меня не боялись. Пожалуйста, помогите! Я здесь уже так давно, и не представляю, что дома мои товарищи делают с рогами. Куда они их девают, когда хотят лечь, как поступают, чтобы никого не пугать? Было бы здорово, если бы они мне напи-

сали. Или пусть пошлют подушку, чтобы мне не приходилось упираться лбом в острую скалу. Знаете, я бы с удовольствием хоть разок как следует отдохнул или спокойно вздремнул. У нас здесь на скалах довольно тяжёлая работа. Попробуйте-ка побегать, как мы, по почти отвесным скалистым склонам, тогда увидите!

После этого козерог поскакал по скале прямо наверх. Он бежал по ней, словно по равнине, и, оказавшись высоко надо мной, помахал: «Пока, пока!» Этому он наверняка научился от мальчишек, приходивших в зоопарк. Но я обещал передать его послание.

Слон пишет в Индию

Я тут пользуюсь известностью. Должен это признать. Но бегать куда хочу не могу. Представьте себе, я привязан цепью за ногу. Но всё равно каждый стремится на меня посмотреть. Каждый хочет увидеть, что я умею. Я уже специально для зрителей научился играть на шарманке, трубить в горн, а сейчас учусь щёлкать бичом. Поверьте, это не так легко. Несколько раз бичом уже досталось служителю зоопарка, и он сразу заохал, застонал... Боже мой, люди совсем не способны

терпеть! Подумаешь — получил от слона удар бичом!

Попробовал бы этот парень помучиться, как я в своём загоне. Ну хотя бы с воротами... Иногда ночью мне немного боязно, поэтому я проверяю, хорошо ли заперты на ночь ворота, чтобы ко мне никто не смог пробраться. Так вот! Я навалился на ворота — они держались хорошо. Но мне этого показалось мало. Кто знает, кому взбредёт в голову ко мне залезть! Например, этой рогатой козе, которую я так не люблю.

С этими воротами я возился целых пять ночей. Ну и намучился же я с ними! Ведь только на пятое утро сторож нашёл ворота лежащими на земле. Разумеется, в зоопарке схватились за голову и поставили ещё более прочные ворота. Такие, что даже четыре слона не смогли бы их снести. Я, конечно, их тут же проверил. Ворота даже не затрещали. Придётся над ними потрудиться, видимо, так же, как над решёткой.

Ну и потеха была с той решёткой! Сначала мне установили решётки с прутьями толщиной с детскую руку. Не знаю почему, наверно, для смеха. Я с ними поиграл чуточку, а к утру сделал из них бублики. Думал, все обрадуются, какой я сильный и здоровый, как хорошо за мной ухаживают в зоопарке. Надеялся, что скажут: «Посмотрите, что сделал этот шустрый малый!» Но господин

директор зоопарка кричал, что надо немедленно всё исправить, а этого негодяя проучить. Под негодяем он, скорее всего, подразумевал меня. Теперь решётки были несколько толще. Ну хорошо, подумал я. Посмотрим, что это за штука! Я решил всех чем-нибудь удивить и однажды ночью сделал из решётки рождественский пирог. Думал, теперь-то они расхохочутся и назовут меня шалунишкой.

Но видели бы вы, что произошло! Опять поднялся крик пуще прежнего, и мне поставили решётки толщиной с ногу. Такие, которые мне не согнуть. Ну и что теперь делать?! Раз они не понимают слоновьих шуток, значит, не стоит и стараться. Вот я и топчусь здесь за решёткой, да ещё и привязанный за ногу... Потому я и злюсь.

Отвязывают меня ненадолго, когда выпускают во дворик перед павильоном позабавить посетителей. И там я открываю рот. Не от удивления, а для того, чтобы хватать лакомства, которые мне бросают зрители; я их хоботом собираю с земли. По вечерам мне из-за этого обычно бывает плохо, иногда даже очень плохо, но люди говорят, что я — настоящий слон и многое способен вынести. Целые центнеры того, что мне набросают в течение дня. Им-то никогда не приходилось покупать слонов, вот они и думают, будто зоопарк

легко раздобудет другого слона, если вдруг из-за их угощения мне придёт конец.

Некоторое время я был в одном вольере с африканским слоном. У него немного другая шея и уши больше моих, но мне всё же ближе наши, индийские слоны. Говорят, что индийские слоны более спокойные. Я согласен. Наши — вообще хорошие ребята. Мы и цыплёнка не обидим. А если с нами хорошо обращаются, то и мы платим тем же. С удовольствием помогли бы и зоопарку. Сил у нас хватит. Почему, например, нас не попросят вычистить обезьянью клетку? Мы можем набрать в хобот воды и вымыть всю клетку одним махом. Нам это совсем не трудно. Можем также свалить какое-нибудь дерево. Достаточно упереться лбом в ствол, и дерево упадёт без пилы и топора.

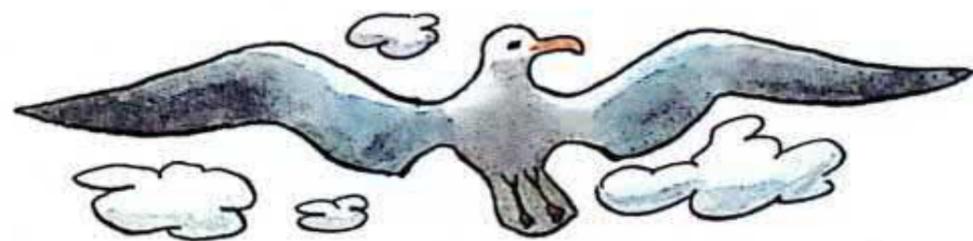
С удовольствием мы отправились бы на вокзал, чтобы доставить в зоопарк партию животных. Вот удивились бы люди, увидев такое! Например, присылают тигров и крупных парнокопытных. Я мог бы ящик с тигром с Суматры поставить на спину, ящик с китайским тигром повесил бы на один бок, с бенгальским — на другой бок, а сам впрягся бы в состав из вагонов, где находились бы як, гаял, кафрский буйвол и индийский зебу, и всех притащил в зоопарк. Люди, увидев это, сказали бы: «Вот бы иметь дома такого слона! Было бы здорово!»

Но в зоопарке боятся, что я кому-нибудь могу навредить. Например, кого-то без злого умысла поглажу хоботом, а он потом сляжет на год. Поэтому меня на всякий случай держат за решёткой.

КОЕ-ЧТО У НАС ИМЕЕТСЯ И ДЛЯ АМЕРИКИ

ИМЕЕТСЯ И ПОСЛАННИК

Я был по-настоящему счастлив, когда голубь забрал у меня все письма. Теперь он летит в Австралию. Интересно, как он справляется? Я ему немного завидовал. Если бы у меня были крылья, я полетел бы с ним, не раздумывая. И заблудиться бы не боялся. Почтовый голубь так хорошо ориентируется, будто у него в голове карта и компас. Он не может ошибиться.

«Где он сейчас, куда долетел?» — думал я, слонясь по зоопарку. Неожиданно я вздрогнул от испуга. Из большого вольера водоплавающих птиц, где находились пеликаны с большим карманом в клювах, плавали утки и расположились аисты, вылетел альбатрос. Как это возможно? Разве ему не выстригли длинные перья из правого крыла, чтобы он не мог улететь? Или эти перья уже успели отрасти?

— Куда ты летишь? — с удивлением спросил я.

— Да просто так, — ответил альбатрос как ни в чём не бывало, — надо немного размяться перед дорогой. — И тут же он молнией облетел весь зоопарк. Потом он завис в воздухе надо мной, как прибитый, даже не шевеля крыльями. — Так как вы думаете, я уже могу лететь в Америку?

— Ах, боже мой! Ведь у меня в Америку два письма: в Южную — для муравьеда и в Северную — для пумы!

— Так давайте их скорее сюда, а то у меня уже крылья чешутся! — альбатрос и правда проявлял крайнее нетерпение. Как только я отдал ему письма, он тут же улетел.

Какая удача! В зоопарке, разумеется, кое-кто будет недоволен тем, что альбатрос уже отбыл, но я желаю ему счастливого пути, и уверен — послание долетит до Америки.

Вот эти письма.

МУРАВЬЕДУ С ДЛИННЫМ ЯЗЫКОМ

Я, наверное, какое-то странное животное. Вчера возле меня остановился один мальчик, он ел булочку. Вдруг он посмотрел на меня и широко открыл рот. Я был так изумлён увиденным, что подкрался к самой решётке, чтобы получ-

ше рассмотреть этого чудо-мальчика. В это время к нему тихонько подошёл служитель зоопарка и тронул его за плечо со словами: «Он не может так же, как ты, широко открывать рот».

И это правда. Разве мальчик не знает? У меня просто-напросто нет рта. Это только кажется, что у меня рот длиной в полметра, но он не открывается, во рту есть только отверстие для языка.

Тут меня осенило: «Я покажу ему хотя бы свой язык». И я высунул язык на всю длину. Боже, как он испугался! Сразу закричал: «Змея, змея!» — и хотел убежать. К счастью, служитель зоопарка ещё не ушёл. Он остановил мальчика, подвёл его к клетке и сказал мне: «Пепик, покажи ему, как ты ешь. Пусть посмотрит!»

После этого мне принесли ещё одну тарелку с едой, на которой лежали личинки муравьёв, каша из хлопьев, рис, мясной фарш, сырые яйца. «Смотри, Франтишек, как он сейчас начнёт метать всё в себя!»

Я не заставил себя упрашивать. Среди всех этих яств был ещё мёд, который мне приносят не каждый раз. Так что я продемонстрировал мальчику всё наше искусство поглощения пищи — паренёк только глаза таращил. Он не знал, что ем я языком. А мой язык знай себе летал туда-сюда, как стрела. Тарелка моментально опустела. Мальчик

смотрел словно замороженный. Он даже не понял, что я ел только языком.

Потом я отошёл немного назад, свернулся на земле для сна и, как всегда, укрылся своим хвостом. «Ой, мне бы такое одеяло», — вздохнул мальчик. Но чтобы он не завидовал, я предложил бы мальчику хоть одну ночь провести так же, как я, однако не знаю, как это сделать. Разве что пойти к нему домой? Пожалуйста, напишите, как я должен поступить. Представьте себе, как удивилась бы мама мальчика, подойдя утром к кровати, чтобы разбудить сыночка, и обнаружила бы там муравьеда с длинным хвостом. Она и не поняла бы, что нас там двое, что я просто прикрыл её сына своим хвостом.

Представляю, как она закричала бы, увидев мои страшные когти. Как она испугалась бы!

Здесь в зоопарке говорят, что такими когтищами я мог бы и слона разодрать. Говорят, мои когти очень сильные. А я об этом ничего не знал. Но они, наверно, правы. А то как бы я мог разрыть глиняные постройки термитов бархатными лапками? А я очень люблю муравьёв и их личинки. Вот поэтому у меня такой длинный язык. Острыми когтями я проделываю в башне термитов дырку, просовываю туда свой длиннющий язык, и муравьи с личинками налипают на него. Тут-то я ими и лакоплюсь. Они почти такие же вкусные, как мёд, который я здесь иногда получаю.

Вот только не знаю, стоит ли мне дружить с каким-нибудь мальчиком. Я заметил, что у того паренька в ботинки вдето что-то тонкое, чем ботинки затягивают и завязывают. Подозрительно похоже на языки муравьедов. Неужели он завязывал ботинки их языками?

Это было бы ужасно, если бы мальчик лишил меня языка из-за каких-то ботинок. И чем я ел бы в таком случае?

ВСЕМ ЧЕТВЕРОНОГИМ ПУМАМ

Не сердитесь, но именно так я должна была обозначить адресата, иначе неизвестно, к кому письмо может попасть. Представьте себе, что послание

дошло до настоящей пумы, она тут же возмутилась бы и сразу разорвала моё письмо. И как бы я себя при этом чувствовала?

Сразу скажу: было бы гораздо приятней, если бы меня называли моим другим именем — кугуар. Мне оно больше нравится, и зрителям наверняка тоже понравилось бы. Мальчики чаще останавливались бы у моей клетки, если бы меня звали кугуаром. Но наш зоопарк почему-то не хочет использовать это название, поэтому над моим именем здесь все насмеются. Меня здесь никто не любит. Я могу хоть из кожи вон лезть, но не стану крупнее своих соседей. Люди восхищаются львом с лохматой гривой, с любовью смотрят на пёстро-го леопарда, изумляются длинным полоскам самого большого хищника — тигра. Я же рядом с ними выгляжу как переодетый червяк.

Чтобы мне не было обидно, в Европе меня стали называть «американский лев». Вот спасибо за такое имя! Там в Америке у них настоящий рассадник львов, они продают их в цирки, да ещё и учат их всяким штучкам. Вот поэтому я никому не нужна. В основном там продают гривастых львов, которые привлекают посетителей больше, чем я. Ведь я выгляжу, извините за выражение... ну, я вам уже говорила, как я, собственно, выгляжу.

Не могли бы вы посоветовать, что мне надо сделать для большей популярности? Но не советуйте,

пожалуйста, придушить какое-нибудь животное крупнее меня — вы прекрасно знаете, что пума едва ли отважится задрать даже овцу.

Я не большая и не сильная. Если бы даже я съела нашего служителя зоопарка, перед моей клеткой стояла бы толпа людей и все говорили бы: «Жаль, что мы при этом не присутствовали. Пропустили такое зрелище!» Я стала бы известной, обо мне все вокруг говорили, а пришедшие в зоопарк ещё у кассы стали бы спрашивать: «А где тот лев,

что сожрал служителя?» Посетителям стали бы объяснять: «Но это не тот большой лев, который бегаёт по Африке или в прыжке разрывает бумажные круги в цирке. Этот лев несколько меньше, и он не лохматый. Попробуйте влезть к нему в клетку, может, и с вами что-нибудь сделает, например сожрёт».

Но я-то хочу быть хорошей, хочу, чтобы люди, стоя пред клеткой, говорили: «Видите, у неё высшая отметка за поведение».

Очень вас прошу, если будете отвечать, напишите, пожалуйста, что одна пума у вас сожрала пять львов и двух тигров или ещё что-нибудь пострашнее. А чтобы меня здесь уважали, я покажу им это письмо!

ГОЛУБЬ ЗАБОЛЕЛ

Мы должны его вылечить

У меня всё время крутится в голове мысль: не стараются ли эти летающие почтальоны облегчить свой путь к месту назначения? Не поджидают ли они в аэропорту самолёт, который доставит их в Америку или в Австралию, чтобы оказаться на месте в два счёта? Например, голубь. Вы только посмотрите, он уже прилетел! Что-то просвистело мимо — и бух в траву! Голубь! Скорее воды! Но он отказался. Немного корма? Тоже нет. Ничего. «Врача... — застонал он. — Мне плохо...» Бедняга, ты надорвался. Зачем же ты так спешил? Ведь тебя никто не гнал.

Я осторожно взял его в руки, а он, бедный, даже не пошевелился. Нет, к врачу нам нельзя, ведь тогда всё откроется. Пожалуй, мы посоветуемся с животными. Может, они что-нибудь придумают. Надо бы сходить к слону, он кажется мудрым.

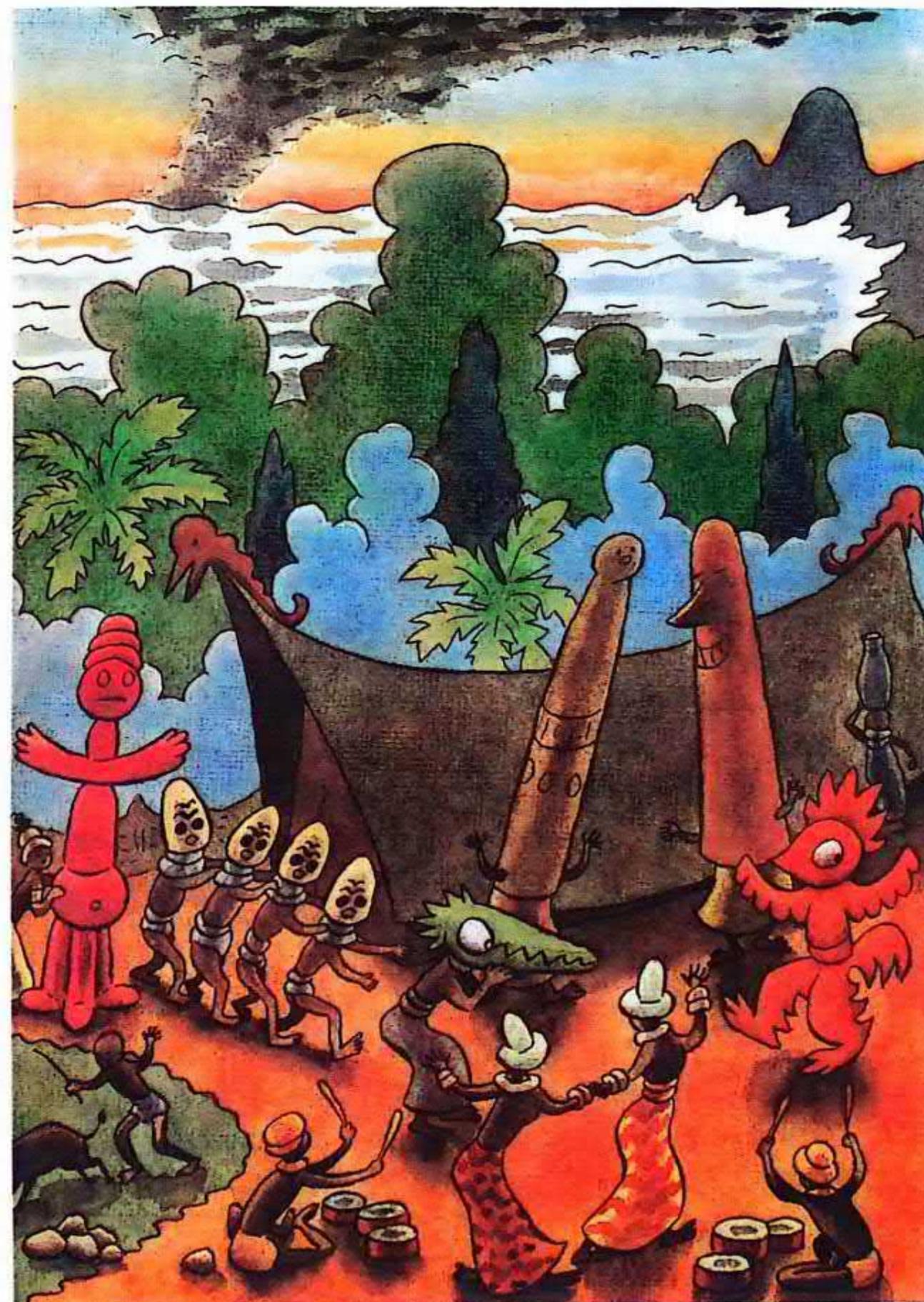
Мы правильно сделали. Слон сразу понял, что ему нужно сделать. Увидев нас, он тут же окатил нас водой из хобота. Меня он облил с ног до головы, но при этом голубь чуть-чуть шевельнулся. Слава богу! Животные наверняка знают, что поможет голубю. Я обрадовался и побежал дальше.

И правда, каждый мне что-то посоветовал. Кабаны сделали нам грязевый компресс (меня при этом изрядно перепачкали, но голубя процедура заметно укрепила). Морской котик в своём бассейне устроил ему настоящую водолечебницу, так что голубь воспрял духом. А жирафы дали ему совет, чем лечить горло, чтобы он перестал хрипеть.

Но лучше всего нам помогли в палатке, где продавали еду. Голубь склевал там мороженое, солёный огурец, сосиску в тесте, выпил малиновый лимонад, на дорожку проглотил эскимо и кусок шоколада. Вы знаете, мне даже стало плохо, когда я доедал за голубем остатки. А он сказал, что дети в зоопарке ничего другого не едят и что им тоже бывает плохо. В зоопарке посетители именно так утоляют голод.

Всю ночь у меня болел желудок, и у голубя тоже, но на другой день наш почтальон уже мог обо всём рассказать.

— Ответов на письма из зоопарка у меня немного, — признался он. — Да, я немного выбился из сил. Успел взять письмо только от калонгов,

но зато у меня есть кое-что удивительное. Почитай пока, что пишут эти летучие собаки.

ОТВЕТ КАЛОНГОВ

Никто не знает, как мы сегодня устали, и поэтому никому не хочется писать ответ. Боже мой, вчера ночью мы перелетели через семь островов. Нас было очень много — целая туча. На островах мы произвели настоящий переполох. На первом острове жители подумали, что приближается страшная буря, и бросились укреплять свои дома, чтобы их не унесло ветром, потому что такое могло произойти каждую минуту. На другом острове люди решили, что вскрылось жерло вулкана, что из него уже валит дым, и начали вытаскивать вещи для переселения. На третьем все посчитали, что наступил конец света, и тут же стали сжигать клочки шерсти животных (таким образом они приносили жертву — они привыкли таким образом обманывать своего божка) и били поклоны камням, деревьям, кучам земли и всему остальному. На оставшихся островах зажигали костры, били в барабаны и танцевали вокруг границ, потому что танцы якобы выражают особое благочестие.

Но это была не туча, которая пронеслась над островом, не дым и даже не конец света: это

были мы, и мы летели на восьмой остров. Но вы не поверите, сколько нам удалось за ту ночь съесть. В лесах, садах, на полях после нас остались только голые поломанные ветки. На последнем острове нам не слишком обрадовались, зато мы до утра успели так набить себе брюшко, что с трудом долетели до дома.

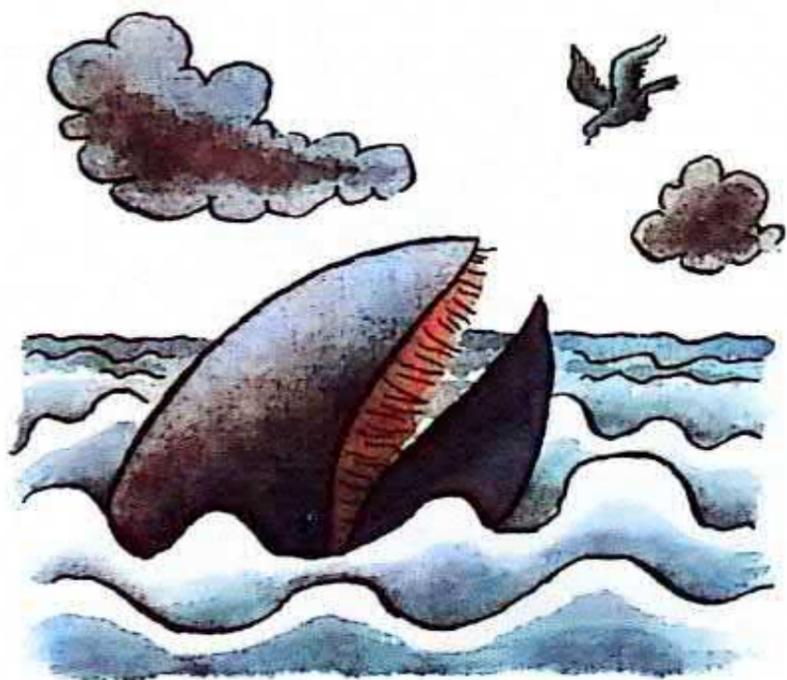
К утру на островах уже не били в барабаны. Все вокруг спали, когда мы возвращались в наш лес. Но это уже в другом месте, не там, где ты жил с нами. Мы переселились дальше, туда, где люди нас не найдут. Весь день мы спали как убитые, только малыши, которые держались за маму всеми четырьмя лапками, изредка шевелились, и я маялся с этим письмом. Моя жена тоже не спала. Она очень любопытна и хотела узнать, кому я пишу. Опасалась, не пишу ли я какой-нибудь неизвестной летучей собаке. Когда убедилась, что я пишу вам, то стала мне подсказывать. Но жена говорила такие глупости, что я даже не собираюсь повторять их в письме.

Я слышал, что у вас там не так тепло, как здесь. Укутывайтесь получше, чтобы не простудиться и не схватить насморк! А если вдруг такое произойдёт, не забудьте попросить носовые платки и тёплые одеяла. Или пусть у вас немного протопят; думаю, сорока градусов вам хватило бы. Если бы мы могли послать в письме наше тепло,

то с удовольствием сделали бы это, но от нашего тепла ваш голубь, скорее всего, растаял бы в воздухе.

Ну а если в зоопарке с вами будут плохо обращаться, так вы там скажите, что в случае чего мы зададим им жару. И с вами всё будет хорошо.

— А теперь я покажу то, что тебя удивит, — объявил голубь. — Письмо от кита. Я летел над морем — и вдруг чувствую: что-то уронил. Святые угодники, наверняка это было письмо для кенгуру! Я молнией устремился вниз, прямоком на что-то тёмное. Оно было похоже на лодку, однако каждую минуту погружалось в воду, а потом выпускало в воздух водяной фонтан. Кит! Скорее к нему!

«Скажите, пожалуйста, господин кит, не упало ли сюда письмо?» — несмело поинтересовался я. Но кит вполне дружелюбно ответил: «Думаю, фто я фоймал фафой-то флофёк бумаги», — и тут же выплюнул его. Письмо кит держал во рту, поэтому он так шепелявил. Представляешь, как я обрадовался, что письмо не пропало, поэтому я тут же обещал киту доставить и его письмо. Вот письмо, которое он мне дал, когда я полетел домой.

БОЛЬШИМ РЫБАМ, КОТОРЫЕ СОВСЕМ НЕ РЫБЫ

Я так надписал это письмо, чтобы нас никто не искал среди настоящих рыб. Однако всякий, кто увидит, как мы дышим над водой или как выкармливаем своих детёнышей, сразу поймёт, что мы не рыбы.

Конечно, немного странно, что я вам пишу. Никогда не мог себе представить, что придётся сочинить и послать вам письмо. Но в воде я случайно нашёл какую-то бумажку. Сначала подумал, что это можно съесть, хотел проглотить и... чуть не задохнулся. Знаете, по моему виду никто никогда не скажет, что вместо зубов у меня полный рот костяных дощечек. Мы, киты, можем глотать

только очень маленьких животных, меньше, чем муха. Зато таких маленьких животных в некоторых местах моря столько, что ими за один раз могут насытиться сто китов.

В общем, я выплюнул бумажку — и что же я увидел? Письмо. Я уже собрался было прочитать его, как тут прилетел голубь. И сразу: «Господин кит, вы случайно не находили в воде письмо? Я его потерял и был бы очень вам...» — «Вот ваше письмо!» — сказал я и подал ему бумагу.

Вы не поверите, как голубь обрадовался, и сразу же обмотал его вокруг лапки. «Лечу в Австралию, — сообщил он, тяжело дыша. — С посланием от кенгуру, которые живут в Праге. Они обрадуются, что я не потерял их письмо. Знаете что? Не хотели бы вы тоже что-нибудь написать родственникам? Я должен как-то вас отблагодарить. Возьму ваше послание, когда буду возвращаться назад».

«О, это было бы очень хорошо, — с радостью согласился я. — Меня как раз беспокоит одна вещь, и я хотел бы о ней написать».

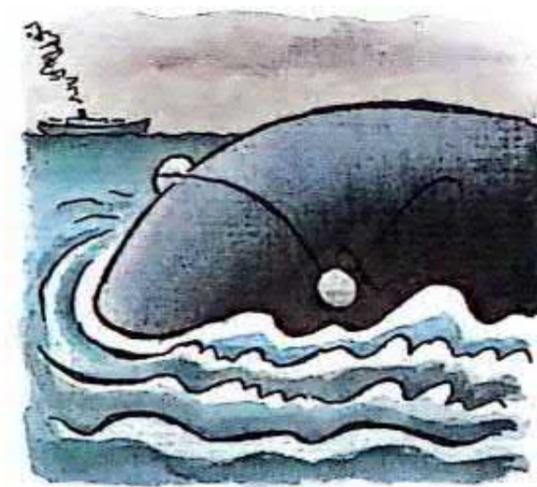
И я принялся писать. Но быстро не получалось. У меня очень маленькие глаза, и мне нужны очки. Но попробуйте здесь найти какой-нибудь магазин... А потом, вряд ли у них нашлись бы такие большие очки. Поэтому я писал как получится — просто хочу поведать вам эту грустную историю.

Мы плыли в стае, со мной рядом находился

мой брат — любимец всей семьи. Мы с ним очень любили друг друга, часто вместе играли. Но брат был ужасно любопытен и всё хотел рассмотреть поближе. На море мы довольно часто наблюдали какой-нибудь дымок, но однажды нам показалось, что корабль идёт именно за нами. Для брата это было как раз то, что нужно. Он всё время оглядывался. «Может, он хочет разузнать дорогу», — предположил брат. А я ему: «Брось! Не гаси то, что тебя не обжигает! Пусть идут куда хотят». Но он не послушался и поплыл прямо к кораблю.

Неожиданно от корабля оторвалась какая-то верёвка и полетела в сторону брата. Мы испугались, конечно, и бросились наутёк, брат тоже нырнул глубоко под воду. У нас так принято. Если необходимо, мы можем погрузиться в море на довольно долгое время. Так что мы нырнули и старались уплыть от корабля как можно дальше.

Когда я наконец опомнился и всплыл наверх, то корабля не увидел, но и брата тоже не было. Может, беднягу поймали и поместили в зоопарк? Может быть, он именно у вас? Я всё время о нём думаю. А воды-то для него достаточно? Он так любит поплескаться! Я слышал, что в зоопарке

каждому продают по бутылочке воды — красной или жёлтой. И в этой воде якобы плавают множество пузырьков и ни одного рачка, которых мы так любим. Жалко братишку! Пожалуйста, передайте ему привет от меня и ничего не жалеете для него. Он вам в благодарность устроит прекрасный фонтан, если принесёте ему достаточно воды.

Скажите, что я по нему скучаю, и, если может, пусть мне напишет. Летом я буду на юге Африки, голубь меня там обязательно найдёт.

Мы посмотрели друг на друга и загрустили, поняв, что произошло. Тот корабль наверняка был китобойным судном. Поэтому он и следовал за китами. Гарпун, находившийся на конце каната, был выпущен с судна и попал в брата нашего кита. Он успел погрузиться в воду, но уже с гарпуном в теле, однако, ещё долго оставаясь под водой, на огромной скорости тащил корабль за собой, потому что был силачом из силачей. Но вскоре ему пришлось

всплыть, чтобы вдохнуть воздуха. Тут в него выстрелили второй раз. А потом... потом он умер. И кто знает, где теперь его жиром мажут ботинки и на какой фабрике этим жиром натирают ремни для станков.

— Что скажешь? — спросил меня голубь.

— Не знаю, — растерянно ответил я. — Но думаю, что мы должны как-то утешить беднягу кита.

— Так и сделаем. Напишем ему письмо будто бы от брата, которого на самом деле уже давно нет в живых! — воскликнул голубь.

На том и порешили. Мы сразу принялись за работу и написали письмо. Голубь передаст его, как только снова найдёт кита.

ДОРОГОЙ БРАТИШКА!

Ты не представляешь, как я благодарен за твоё письмо! Мне здесь очень хорошо. Специально для меня здесь подготовили такой большой и глубокий пруд, что я могу нырять почти как в море. Ночью здесь спокойно, только совы летают да ночной сторож ходит вокруг. По утрам же начинается настоящее веселье: в зоопарк приходят дети, и нас начинают кормить. По рельсам подъезжает поезд, и из вагонов выгружают еду для меня. В первом вагончике обычно бывает

бисквит, размоченный в молоке. В другом — лесной мёд. Третий вагончик привозит квашеную капусту. Пражские дети это очень любят. В море я такого не ел, но здесь дети приучили меня к этому. Четвёртый вагончик наполнен мороженым. Там и клубничное, и ванильное, и лимонное мороженое. А если приходит много детей, я всегда оставляю им немножко мороженого. Пятый вагончик наполнен крем-содой, чтобы всё это запить. Я пью её через пожарный шланг, и она мне страшно нравится. Сначала было щекотно, но потом я привык и теперь даже играю со шлангом: дую в обратную сторону, и в вагончике смешно булькает, или глотаю каждый пузырёк в отдельности. А дети меня подгоняют и кричат, что хотят кататься. Просто ждут не дождутся! Потом приезжает шестой вагончик, а в нём — повидло. Каждый день разное. Я больше всего люблю смородиновое. В повидле я всегда ужасно пачкаюсь, и дети надо мной смеются. И я должен раз пять нырнуть (при этом я встаю на голову, а потом немножко плаваю на спине), чтобы снова стать чистым. Потом начинается самое интересное. Я подплываю к берегу, беру детей и катаю их на спине.

Видел бы ты, дорогой братец, это представление! Я сажаю на спину обычно два класса

одновременно. Учитель садится сзади со свистком; если кто-нибудь падает, он свистит в свисток, а на берегу уже стоят сотрудники в плавках, готовые прыгнуть в воду, чтобы вытащить детей. На прошлой неделе в воду упало столько детей, что плавки был вынужден надеть даже директор, и все вытаскивали ребят из воды. Их вытаскивали целых два часа, а потом сушили мокрых детей в вольере у обезьян, где теплее всего. Дети от души веселились, но директор простудился и так кашлял, что катания на несколько дней отменили. А потом решили: если в следующий раз кто-нибудь нарочно свалится в воду, то не сможет посещать зоопарк целых пять лет и ночью ему будет сниться самая страшная обезьяна. Не знаю, как это подействовало, но последние дни во время катания дети ведут себя очень прилично. Один класс даже принёс мне лакомства. Это были деревенские дети, и каждый ребёнок нёс на спине полный рюкзак колбасы. Я съел бы её на завтрак, но мне не проглотить такие большие куски. Поэтому дети всё отдали львам и тиграм, которые поделились с теми, кто любит мясо.

Послезавтра ночью в зоопарке состоится бал-маскарад. Лев хочет прийти в костюме коровы, жираф мечтает одеться змеёй, а я готовлюсь надеть костюм блохи. Вот будет потеха! Жаль, что ты не сможешь это увидеть.

Не могу сказать, чем всё кончилось. Я получил довольно странное сообщение: голубь полетел с посланием на юг Африки, но там его ждало известие, что вся китовая еда уплыла к берегам Южной Америки. Поэтому киты отправились вслед за огромным потоком малюсеньких морских животных, которых киты очень любят.

Я до сих пор жду голубя. И пока я его жду, к нам присоединилось очень много других зверей, они уже как будто подготовили письма, а голубь всё не возвращается.

Тут ко мне обратился один муравьишка с просьбой купить марку — письмо у них уже готово. Муравьи бедные, у них нет денег. Глупенькие, они

думают, что письма переправляются обычной почтой.

По правде сказать, я вообще не представляю, узнает ли голубь зоопарк, когда вернётся. Ведь там постоянно что-то меняется, перестраивается, улучшается. Каждый раз, когда я прихожу в зоопарк, я вижу много перемен: там становится всё лучше и красивее. Так что звери тоже должны кое-что изменить в своих письмах. А ваша прогулка по зоопарку каждый раз будет несколько дольше, и радости от этого тоже будет больше.

ОГЛАВЛЕНИЕ

МЫ КОЕ-ЧТО УЗНАЁМ

Брожу среди посетителей и клеток	5
Мы встречаемся с почтальоном	8
О-о-ох! Любое начало всегда бывает трудным	11

МОЯ ПЕРВАЯ ДОБЫЧА

Наш тигр написал родственникам	17
Ну а почта уже идёт. Вернее — летит	23

БОЖЕ МОЙ, ВСЁ НЕ ПРОСТО ТАК!

Ищу, ищу, ищу	24
Вам пишет медведь	27
Бедный бегемот жалуется	34

ПРИШЁЛ ПЕРВЫЙ ОТВЕТ

Вот это было путешествие!	40
Дорогие пражские тигры!	42

ДРУЖИЩЕ, ТЕБЯ ОЖИДАЕТ НОВЫЙ ПЕРЕЛЁТ

Но тебе будет что нести	46
Дорогим горбатым друзьям в Африке	48
Уважаемые обезьяны!	50
Самым большим птицам на свете	57
Многоуважаемые обезьяны!	61

ЧТО ТЕПЕРЬ?

У меня ничего не получается	68
Дорогая тётушка утка!	72
Домашнее задание. Как мы с классом ходили в зоопарк	77

ГОЛУБЬ ВЕРНУЛСЯ ИЗ АФРИКИ

Что он принёс?	82
Верблюдам Праги	83
Письмо бегемота из болота	85
Обезьяньим друзьям в клетках	88
Страусам-могиканам	92

К НАМ ЭТО НЕ ОТНОСИТСЯ

Просим совета у читателей	97
Что мне приснилось	97

СНОВА В АФРИКУ

Голубь сердится	102
Стадам, поднимающим африканскую пыль	102
Львам и львицам	106
Длинным пятнистым шеям	111

ГОВОРЯТ, ЛЕТИМ В АВСТРАЛИЮ

С большой программой	116
Дорогие кенгурушки-поскакушки!	117
Дорогим нашим планеристам	122
У козерога трудности с рогами	125
Слон пишет в Индию	127

КОЕ-ЧТО У НАС ИМЕЕТСЯ И ДЛЯ АМЕРИКИ

Имеется и посланник	133
Муравьеду с длинным языком	134
Всем четвероногим пумам	137

ГОЛУБЬ ЗАБОЛЕЛ

Мы должны его вылечить	141
Ответ калонгов	144
Большим рыбам, которые совсем не рыбы	147
Дорогой братишка!	151

Литературно-художественное издание
Для среднего школьного возраста

Ондржей Секора
Почта в зоопарке

Директор издательства *Светлана Гофман*
Главный редактор *Екатерина Аксёнова*
Выпускающий редактор *Марианна Прангишвили*
Корректоры *Александра Фёдорова,*
Марина Мартынихина, Олег Леднев
Дизайн шрифта на обложке *Александра Быкова*
Вёрстка *Нонны Гончаровой*
Издатель *Вадим Мещеряков*

Директор Группы компаний
«Издательский Дом Мещерякова»
Ася Мещерякова

Подписано в печать 06.12.2017.
Формат 70 × 100 1/16.
Гарнитура FreeSetC. Бумага офсетная.
Печать офсетная. Усл. печ. л. 13,0.
Тираж 6 050 экз. Заказ № 1245.

Издательский Дом Мещерякова
119270, Москва, Лужнецкая наб., д. 2/4, стр. 17.
Телефон: (495) 639-93-49.
E-mail: idm@idmkniga.ru
idmkniga.ru

Отпечатано в соответствии
с качеством предоставленного оригинал-макета
в ОАО «ИПП «Уральский рабочий».
620990, г. Екатеринбург, ул. Тургенева, 13.
Телефон: (343) 221-29-17.
E-mail: book@uralprint.ru

GardarikaRus+Майская роза

6+
EAC

ISBN 978-5-00108-229-3

9 785001 082293

ИЗДАТЕЛЬСКИЙ ДОМ МЕЩЕРЯКОВА